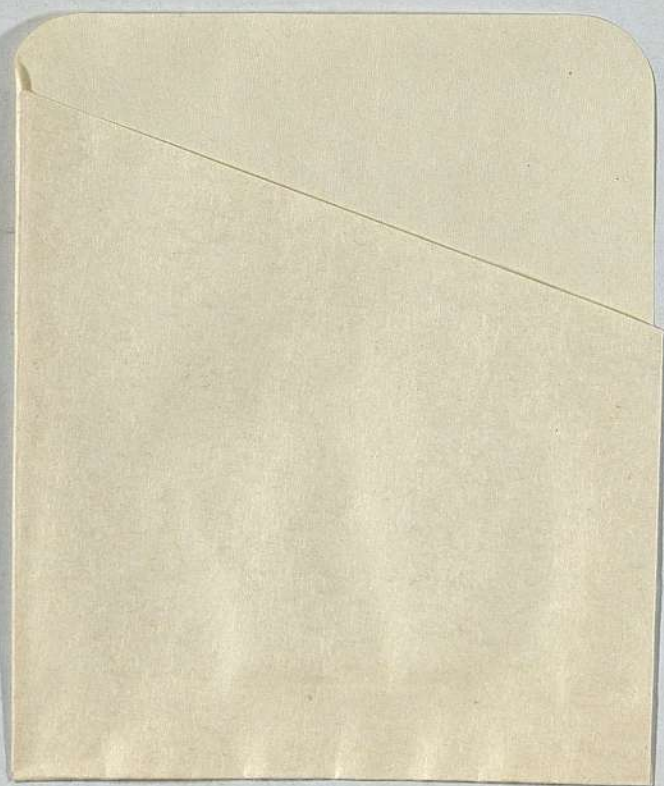

M

$\frac{43}{77}$

НЕ КОПИРОВАТЬ

М 4357
Виданъ Мережковскому Соловьеву
отъ автора.
О. Коршъ.

РИМСКАЯ ЭЛЕГІЯ

И

РОМАНТИЗМЪ.

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульваръ.

1899.

77

О. Коршъ.

РИМСКАЯ ЭЛЕГІЯ

И

РОМАНТИЗМЪ.

4909-0

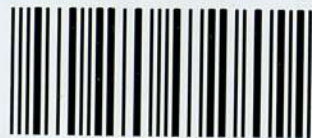

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульваръ.

1899.

Изъ Рѣчи и Отчета Императорскаго Московск. Университ. за 1898.

2007110893

Римская Элегія и Романтизмъ.

Изъ всѣхъ чувствъ, которыми волнуется человѣческое сердце, первое мѣсто въ поэзіи принадлежитъ, къ чести человѣка, чувству любви—не въ узкомъ смыслѣ этого слова, ограничивающемъ соотвѣтственное понятіе отношеніями между двумя полами, а въ значеніи обширномъ, совмѣщающемъ въ себѣ разнообразныя направленія той потребности нашей души, которыя не позволяютъ ей замкнуться въ самой себѣ, тратя исключительно на себя всѣ свои силы и способности. Это неудержимое стремленіе сердца къ пополненію своей жизни приобщеніемъ себя къ другому существу, непременно высшему, хотя - бы только въ представленіи любящаго,—существу, мысль о которомъ вызываетъ къ дѣйствию лучшія стороны нашей духовной природы, или къ цѣлому роду существъ, олицетворяющихъ для насъ идею,—это высокое, безкорыстное стремленіе, свойственное душѣ человѣка въ такой-же степени, какъ голодъ и жажда его тѣлу, нашла себѣ и выраженіе и объясненіе въ двустипіи нѣмецкаго поэта - философа XVII в., Фридриха фонъ-Логау:

Судьба сердець и жернововъ—весь вѣкъ ходить кругами;
Помола нѣтъ—и вотъ они себя же мелютъ сами¹⁾.

¹⁾ Ein Mühlstein und ein Menschenherz wird stets herumgetrieben;
Wo beides nichts zu reiben hat, wird beides selbst zerrieben.

И сердце ищетъ себѣ помола,—ищетъ предмета, на которомъ его дѣятельность могла бы сосредоточиться, упорядочиться и привести духовный міръ личности въ нормальное состояніе, возстановивъ равновѣсіе между его отправленіями. Правда, любовь человѣка далеко не всегда является въ такомъ чистомъ, возвышенномъ видѣ: къ стремленію души часто присоединяетъ свой голосъ тѣло, да и душа личности въ сознаніи своей особенности склонна къ себялюбію. Вліяніе тѣла, даже если оно и не преобладаетъ, видоизмѣняетъ любовь согласно съ различными температурами, придавая ей оттѣнки страстности, унылости, нѣжности и т. д. Любовь человѣка, какъ существа сложнаго, и не можетъ исчерпываться однимъ опредѣленіемъ. Она тѣмъ проще, чѣмъ отвлеченнѣе, т. е. чѣмъ ея предметъ шире или недосыгаемѣе и потому менѣе доступенъ воображенію,—той способности, которая приближаетъ къ намъ далекое на такое сравнительно ничтожное разстояніе, что все настойчивѣе заявляетъ въ насъ о себѣ жажда обладанія, по возможности полного, удовлетворяющаго всѣ стороны нашего существа. Предметъ, на который воображеніе сумѣло закинуть свою петлю, будь онъ хоть идея, лишенная всякой конкретности, немедленно такъ или иначе воплощается и въ душѣ воображающаго дѣлитъ участь предметовъ осязательныхъ. Эта способность фантастическаго втягиванія желаемаго въ обиходъ своей жизни наблюдается особенно у людей, преданныхъ своей мечтѣ до нарушенія равновѣсія своего организма духовнаго и тѣлеснаго въ пользу перваго, а помимо этого условія составляетъ удѣлъ тѣхъ избранныхъ, которыхъ воображеніе отличается отъ воображенія обыкновенныхъ смертныхъ такою пластичностью, что представляющіеся имъ образы обладаютъ всѣми свойствами существующаго въ дѣйстви-

тельности, однако съ нею не смѣшиваясь и не подавляя дѣятельности ихъ ума. Мечтатель — галлюцинаторъ подчиняется своимъ грезамъ, художникъ держитъ ихъ въ своей власти и потому можетъ воспроизвести ихъ средствами своего искусства. Между мечтателями и поэтами, какъ и между любыми двумя однородными явленіями, есть много переходныхъ звеньевъ, но несомнѣнно то, что и самые отчаянные мистики между поэтами, если они въ самомъ дѣлѣ поэты, умѣютъ подчинять свои грезы мыслительной силѣ, по крайней мѣрѣ, настолько, что могутъ ихъ выразить болѣе или менѣе опредѣленными образами. Потому-то памятниками любви являются искусства, изображающія чело-вѣка съ его физической или духовной стороны, преимущественно поэзія, которая обращается непосредственно къ разуму и лишь черезъ него вводитъ насъ въ тайны чужого чувства.

Изучая поэзію разныхъ народовъ и разныхъ временъ, мы замѣчаемъ, что любовь не всегда и не вездѣ была одинакова: измѣнялись и ея объемъ и характеръ, да и самое мѣсто, занимаемое ею въ жизни, бывало различно. Такъ въ древности она далеко не играла той роли, которую предоставили ей средніе вѣка, у Персовъ она была не такова, какъ у Арабовъ и т. д. Но историческій обзоръ проявленій этого общечеловѣческаго чувства въ отношеніи къ различнымъ объектамъ есть задача будущаго. Мы ограничимся однимъ племенемъ, Римлянами, и одной эпохой, первымъ вѣкомъ до Р. Х., когда въ Римѣ появилась эротическая поэзія, и еще внутри этихъ предѣловъ займемся изученіемъ именно тѣхъ поэтовъ, которые вдохновлялись преимущественно любовью въ общепринятомъ смыслѣ этого слова. Таковы были Катуллъ, Тибуллъ и Проперцій, составляющіе какъ-бы триумvirатъ въ Trionfo

d' Amore Петрарки (IV 22—24), въ воображеніи любителей римской литературы и въ изданіяхъ, въ которыхъ до послѣд-
няго времени ихъ разлучала только обширность коммента-
рія какого-нибудь ученаго къ одному изъ нихъ. Эти три
поэта объединяются именемъ элегиковъ, которое раздѣляетъ
съ ними Овидій; но онъ писалъ не одни эротическія сти-
хотворенія и, что важнѣе, отличается отъ другихъ элеги-
ковъ очевидной вымышленностью отношеній, воспѣваемыхъ
въ его Amores. Правда, и Катуллъ не исключительно
эротикъ и еще менѣе элегикъ (въ древнемъ значеніи этого
слова), но среди римскихъ и вообще древнихъ пѣвцевъ
любви онъ занимаетъ выдающееся и, какъ увидимъ ниже,
особое мѣсто.

Римская элегія примыкаетъ по своему происхожденію
къ александрійской, которая въ свою очередь возникла
изъ подражанія древнѣйшимъ образцамъ, преимущественно
Антимаху изъ Колофона, жившему въ V в. до Р. X., от-
части Мимнерму оттуда-же, современнику Солона. Кромѣ
того на эротическую элегію Грековъ вообще, вѣроятно,
имѣли извѣстное вліяніе нѣкоторые чистые лирики, осо-
бенно Сапфо. Но, къ сожалѣнію, почти все эти произве-
денія пропали, почему въ своихъ сужденіяхъ о любви
у Грековъ мы должны быть осторожны. Впрочемъ, на-
сколько возможно судить по сохранившимся остаткамъ гре-
ческой любовной поэзіи, любовь эпохи процвѣтанія ли-
рики среди малоазіатскихъ и островныхъ Грековъ была
невысокаго полета: хотя напр. въ стихахъ Сапфо въ са-
момъ дѣлѣ еще дышитъ любовь и жива страсть, вложен-
ныя въ нихъ, какъ говоритъ Горацій ²⁾, но за этой жгу-

²⁾ С. IV, 9, 10 слѣд:

spirat adhuc amor
Vivuntque commissi calores
Aeoliae fidibus puellae.

честью чувства не замѣчается ничего идеальнаго. Да и самую эту страстность оцѣнить надлежащимъ образомъ лишь такой читатель, который привыкъ переводить не только слова и даже не только мысли, но и скрытыя за ними ощущенія на языкъ своихъ ощущеній, а человѣкъ непосвященный, если и не найдетъ эту поэзію холодной, то легко можетъ обвинить ее въ сухости и поставить внушившее стихи чувство значительно ниже въ нравственномъ отношеніи, чѣмъ надлежитъ по смыслу, который авторъ имѣлъ въ виду. Вотъ для образца, въ переводѣ, приуроченномъ къ современнымъ вкусамъ, но отчасти все-таки, можетъ быть, чрезмѣрно близкомъ, стихотвореніе Саффо, переведенное и Катулломъ (чѣмъ и оправдывается помѣщеніе этой оды здѣсь):

По мнѣ, тотъ не смертный, а богъ безмятежный,
Кто можетъ спокойно сидѣть предъ тобой
И слушать твой голосъ плѣнительно-нѣжный
И смѣхъ восхитительный твой.

Отъ этого счастья въ предвѣднѣхъ муки
Мнѣ душу тѣснить ужъ испытанный страхъ.
Едва лишь увижу тебя я, какъ звуки
Въ моихъ замираютъ устахъ.

Языкъ мой пѣмѣть, въ крови моей пынуть
Бѣгучими искрами струйки огня,
Въ глазахъ лишь потемки, и уши не слышать,
Немолчнымъ прибоемъ звеня;

Оббѣгаютъ дождемъ съ меня пота росинки,
И трепетъ холодный по членамъ идетъ;
Блѣднѣй становлюсь я изсохшей былинки
И чую ужъ смерти полеть.

Какъ ни обѣляй Саффо Вилламовицъ фонъ-Мѣллендорфъ, одинъ изъ лучшихъ филологовъ нашего времени, трудно найти въ этихъ стихахъ чувство, хотъ сколько-нибудь воз-

вышенное; но съ другой стороны нельзя не признать живости изображаемой ими картины. Впрочемъ къ любви въ древнѣйшей поэзіи Грековъ мы возвратимся ниже. Объ элегіяхъ Антимаха и Александрійцевъ мы знаемъ почти одно то, что онѣ были начинены всякой ученостью, особенно мѣологической, а въ общемъ приходится составлять себѣ о нихъ понятіе по римскимъ подражаніямъ, близость которыхъ къ образцамъ мы не можемъ провѣрить. Александрійскіе элегіки, какъ Филетъ, Каллимахъ, Эвфоріонъ, были ученые и притомъ придворные эпохи упадка. По этимъ даннымъ мы въ правѣ предполагать, что ихъ любовныя стихотворенія отличались искусственностью (что мы и знаемъ), вышностью и сентиментальностью. На сколько искренни были воспѣтыя ими привязанности, и на сколько тепло онѣ были воспѣты, намъ неизвѣстно; но изъ того, что такіе серьезные и уважаемые люди усердно предавались этому роду поэзіи, естественно заключить, что на такія стихотворенія, а слѣдовательно—и на соотвѣтствующія имъ чувства въ тогдашней Александріи была мода. Недаромъ въ тѣхъ-же кругахъ развилась идиллія,— правда, не такая чувствительная, какъ у госпожи Де-зульеръ, Геснера или Карамзина, но все-же показывающая стремленіе къ простымъ чувствамъ въ противоположность высокаторжественнымъ: и у насъ идиллія появилась о-бокъ съ сентиментализмомъ, а во Франціи одновременно съ «эклогой» пользовались большой популярностью чувствительные романы съ дѣйствующими лицами изъ древней исторіи— затѣя прямо въ александрійскомъ вкусѣ.

Во второй половинѣ I в. до Р. X. мы находимъ идиллію и въ Италіи, гдѣ Вергилій началъ свое поэтическое поприще подражаніями Теоокриту. Но александрійское на-

правление обнаружилось въ Римѣ еще раньше, особенно среди того кружка молодежи, которому Цицеронъ давалъ презрительную кличку «пѣвцевъ Эвфоріона». Цицеронъ и самъ былъ не чуждъ вліянія Александрійцевъ, но изъ нихъ онъ уважалъ поэта-астронома Арата, котораго и переводилъ въ молодости, не унижая своей римской важности легкомысленными любовными стишками, тогда какъ въ программѣ занятій упомянутаго кружка именно этому роду поэзіи было отведено видное мѣсто. Вражда Цицерона къ новому направленію была тѣмъ сильнѣе, что въ то время, давно оставивъ Арата, онъ, какъ приверженецъ старины, превозносилъ прежнихъ поэтовъ, въ особенности Эннія, а «пѣвцы Эвфоріона» не чувствовали къ нимъ никакого почтенія. Почему Цицеронъ и эти юноши такъ рѣзко расходились во вкусахъ, легко понять: послѣдніе, будучи лѣтъ на двадцать моложе его, принадлежали уже къ другому поколѣнію, а эта разница, никогда не лишенная значенія, оказывается особенно сильна въ такія критическія эпохи, какъ та, которую переживало тогда Римское государство.

Въ древнѣйшемъ Римѣ женщина пользовалась несомнѣннымъ почетомъ, но только какъ мать семейства и домохозяйка, а не сама по себѣ, не просто какъ носительница извѣстныхъ качествъ, чуждыхъ, но привлекательныхъ мужчинѣ. Согласно съ такимъ взглядомъ она рѣдко появлялась въ мужскомъ обществѣ, и объ ухаживаніи за благородной дѣвушкой или женщиной не могло быть и рѣчи. Но уже во второй четверти I в. до Р. Х., отчасти вслѣдствіе общаго разложенія стариннаго римскаго быта, отчасти подъ вліяніемъ греческихъ понятій и нравовъ, также распущенныхъ, но плѣнительныхъ своимъ изяществомъ и утонченностью, женщины высшихъ слоевъ рим-

скаго общества, не довольствуясь прежнимъ своимъ положеніемъ, почетнымъ, но скромнымъ, стали все болѣе стремиться къ блестящей роли въ свѣтѣ, среди мужчинъ, опередившихъ ихъ, какъ и слѣдовало ожидать, въ превращеніи изъ суровыхъ потомковъ Ромула въ любезныхъ и франтоватыхъ подражателей греческимъ образцамъ времени упадка. И вотъ къ тому времени, когда Катулъ, едва переступивъ предѣлы отроческаго возраста, прибылъ изъ своего родного города, Вероны, въ Римъ, въ великосвѣтскихъ кругахъ столицы собирали кругомъ себя поклонниковъ такіа дамы, какъ описанная Саллустіемъ Семпронія ³⁾, знакомая съ греческой и латинской литературой, умѣющая играть на лирѣ и, что ужъ совсѣмъ не соответствовало римскимъ понятіямъ о приличіи, искусная въ танцахъ болѣе, «чѣмъ нужно порядочной женщинѣ» ⁴⁾, и сверхъ того обладающая многими другими искусствами, служащими удовлетворенію потребностей роскошнаго образа жизни ⁵⁾. Къ этимъ приманкамъ, такъ сказать, благопріобрѣтеннымъ, присоединялись и прирожденные—красивая наружность и разнообразныя способности: она умѣла сочинять стихи, вести шутливую бесѣду, говорить, смотря по надобности, скромно или въ соблазнительномъ тонѣ и даже въ безстыдно-вызывающемъ, и «вообще въ ней было много остроумія и много привлекательной живости ума» ⁶⁾. Въ томъ-же родѣ, хотя, по видимому, менѣе даровита, была возлюбленная, а потомъ жена Катилины, Аврелія Орестилла, въ которой, какъ выражается Саллустій, путный человѣкъ не признавалъ никогда никакого достоинства

³⁾ Catil. 25.

⁴⁾ saltare elegantius quam necesse est probae.

⁵⁾ multa alia, quae instrumenta luxuriae sunt.

⁶⁾ prorsus multae facetae multusque lepos inerat.

кроме красоты ⁷⁾. Достойной соперницей Семпронии какъ въ прелестяхъ, такъ и въ безирравственности была Клодія, сестра знаменитаго, хоть и не съ выгодной стороны, плебейскаго трибуна Клодія, жена родовитаго и заслуженнаго Квинта Метелла Целера, почтеннаго государственнаго дѣятеля, впрочемъ скучнаго на взглядъ не только молодой и бойкой красавицы, но и степеннаго и уже далеко не юнаго Цицерона, который свое впечатлѣніе отъ бесѣды съ супругомъ «волоокой» (βωλοπίς), какъ онъ величаетъ Клодію ⁸⁾, увѣковѣчилъ выраженіемъ «чистая пустыня» ⁹⁾. Было время, когда Лукреція не могла пережить своего невольнаго позора, и когда Билія, жена Дуилия, не обращала вниманія на непріятный запахъ изъ рта славнаго адмирала, потому что считала это свойство своего супруга неотъемлемымъ достояніемъ всѣхъ мужчинъ; и вдругъ (хоть на самомъ дѣлѣ, конечно, не вдругъ) на мѣстѣ этихъ образцовыхъ женъ мы находимъ великосвѣтскихъ львицъ, которыя не только хорошо знаютъ, что слабости ихъ мужей совсѣмъ не обязательны другимъ мужчинамъ, и въ томъ, что прежде считалось несмыслаемымъ позоромъ, видятъ простое развлеченіе, но и вмѣшиваются въ политическія интриги. Изъ-подъ прежняго почти безразличнаго типа матроны быстро и рѣшительно выглянула личность. Случилось это въ Римѣ, къ сожалѣнію, въ такую эпоху, когда индивидуализація должна была вызывать на свѣтъ по большей части не лучшія свойства человеческой природы; но личность, если она состоитъ не изъ однихъ отталкивающихъ чертъ (что впрочемъ встрѣ-

⁷⁾ lb. 15: cuius praeter formam nihil unquam bonus laudavit.

⁸⁾ Относящіяся сюда цитаты собраны въ книгѣ Вестфали Catullis Gedichte im historischen Zusammenhang übersetzt (Breslau 1867).

⁹⁾ mera solitudo.

чается гораздо чаще въ старинныхъ романахъ, чѣмъ въ дѣйствительности), дѣйствуетъ несравненно обаятельнѣе, чѣмъ расплывчатая, неопредѣлимая, плохо запоминаемая фигура «одного изъ многихъ», будь даже эти многіе всѣ, какъ на подборъ, писанные красавцы и двуногія добродѣтели. Да, въ послѣдніе годы республики почва для эротической поэзіи въ Римѣ безспорно была на лицо.

Катуллъ, понавѣ по пріѣздѣ въ Римъ въ кружокъ свѣтскихъ молодыхъ людей, скоро очутился въ той изящной и одуряющей сферѣ, въ которой блистали болѣе или менѣе знатныя очаровательницы. Здѣсь онъ встрѣтилъ ту, которая скоро заставила его забыть всѣ прежнія увлеченія и беззаботную жизнь такъ называемой золотой (вѣрнѣе: золоченой) молодежи. Женщину, внушившую ему ту любовь, которая обезсмертила ихъ обоихъ, онъ называетъ въ своихъ стихотвореніяхъ Лезбіей, но, по свидѣтельству Апулея, подлинное имя ея было Клодія. Этого имени, упоминанія ея недалекаго мужа, также Целія и Лезбія, т. е., очевидно, Клодія, времени, въ которое жила Лезбія, и ея образа жизни довольно для того, чтобы отождествить ее съ названной выше Клодіей, извѣстной изъ переписки Цицерона и еще болѣе—изъ его рѣчи въ защиту Целія, одного изъ многихъ ея возлюбленныхъ, а потомъ враговъ, какъ отчасти и самъ Катуллъ. Клодія была значительно старше Катулла, но еще болѣе превосходила его опытностью. Весьма вѣроятно, что обаяніемъ своей красоты, образованія, остроумія, находчивости, изящныхъ манеръ и тонкаго кокетства она сразу заполонила сердце наивнаго юноши, не выдавашаго въ своей Веронѣ такой неотразимо прелестной женщины. Благодаря необыкновенной искренности Катулла, составляющей одну изъ привлекательнѣйшихъ чертъ его поэзіи, мы могли бы

прослѣдить исторію его любви почти шагъ за шагомъ, если бы героиня ея не измѣняла ему часто и послѣ каждой измѣны, о которой ему удавалось узнавать, не умѣла въ теченіе долгаго времени приобрѣтать снова его расположеніе до новаго доказательства своего непостоянства: понятно, что трудно возстановить послѣдовательность этихъ нарушеній вѣрности съ одной стороны и выраженной горя и потомъ отчаянія и разочарованія съ другой ¹⁰⁾.

Рая блаженство, смертельная скорбь ¹¹⁾, какъ говоритъ Гёте, — всѣ эти переходы отразились въ поэзій Катулла съ удивительной яркостью. Рядъ его стихотвореній къ предмету его поклоненія, тогда еще казавшемуся недосыгаемымъ, открылся, вѣроятно, переложеніемъ той оды Сапфо, сильный переводъ которой представленъ выше. Можетъ быть, въ связи съ источникомъ этого перваго обращенія Катулл къ Клодіи состоитъ и придуманный имъ для нея псевдонимъ *Lesbia* (Лезбіянка, каковой была и Сапфо), которымъ онъ воспользовался уже въ этомъ переводѣ, передѣлавъ стихи

Едва лишь увижу тебя я, какъ звуки
Въ моихъ замирають устахъ

такимъ образомъ:

Тебя лишь увижу, о Лезбія,

¹⁰⁾ Остроумныя попытки хронологіи стихотвореній Катулла представляютъ собою глава XV превосходнаго сочиненія Лудвига Швабе *Quaestionum Catullianarum liber I* (G. Valeri Catulli liber. Voluminis prioris pars prior. Gissae MDCCCLXII), кнѣга Вестфала, упомянутая въ примѣч. 8, и его переводъ *Catulls Buch der Lieder* (Leipzig 1884), при которомъ *Erläuterungen* лишь повторяють вкратцѣ ея содержаніе. Люціанъ Мюллеръ въ предисловіи къ своему изданію Катулл (р. XI) назвалъ первую кнѣгу Вестфала романомъ (*fabula Milesia*); да чѣмъ же, какъ не романомъ, и быть изслѣдованію, посвященному выясненію романа при помощи данныхъ не только историческихъ, но и психологическихъ? У Вестфала порядокъ стихотвореній нѣсколько отличенъ отъ того, который принять въ настоящемъ изслѣдованіи.

¹¹⁾ *Himmelhoch jauchzend, zu Tode betrübt.*

и т. д. Кромѣ того послѣдняя строфа подлинника замѣнена слѣдующей, которая въ этой связи такъ неожиданна, что кажется нѣкоторымъ толкователямъ отрывкомъ какого-нибудь другого стихотворенія:

Покой—вотъ, Катуллъ, твоей скуки разгадка;

Покою ты предашь, не зная границъ;

Покой былъ и древле причиной упадка

Царей и цвѣтущихъ столицъ.

Этотъ переводъ могъ возникнуть еще тогда, когда Катуллъ видалъ свою Лезбію только у общихъ знакомыхъ. Но вотъ стихотвореніе, которое свидѣтельствуетъ о томъ, что Катуллъ уже сталъ посѣщать Лезбію въ качествѣ робкаго, но восторженнаго гостя, которому всякая мелочь въ обстановкѣ хозяйки представляется очаровательной:

2.

Воробей, моей милой забава,

Какъ играть она любить съ тобой!

Къ груди жметъ и свой пальчикъ лукаво

Предаетъ, вызывая на бой.

Этой шуткой предметъ моей муки,

Словно грезу въ душѣ затаивъ,

Гонить приступъ тоски или скуки

Иль—какъ знать?—не любви ли порывъ?

О, когда бы мнѣ было возможно,

Какъ она, развлекаясь тобой,

Въ это сердце, что бѣется тревожно,

Возвращать хотъ на время покой!

Это подозрѣніе Катулла было справедливо въ томъ смыслѣ, что онъ сталъ не безразличенъ для своей очаровательницы: она обратила на него вниманіе, какъ на поклонника, заслуживающаго большей близости,—той бли-

зости, которой она удостоивала многих и многих. Этой дополнительной подробности ослѣвленный Катуллъ въ то время не зналъ или, вѣрнѣе, не хотѣлъ знать, такъ какъ немислимо, чтобы товарищи, познакомившіе его съ Клодіей, не сообщили ему ничего объ ея походахъ, хотя при жизни мужа она едва-ли могла вести себя такъ свободно, какъ впоследствии. Было ли стихотвореніе къ воробью своевременно поднесено той, которая косвенно его внушила, можно сомнѣваться; но едва-ли допустимо такое сомнѣніе относительно слѣдующаго, въ которомъ Катуллъ оплакиваетъ кончину этой птички:

3.

Плачьте, боги игривыхъ затѣй!

Плачьте, люди любезнаго права!

Умеръ милой моей воробей,

Воробей, моей милой забава.

Пуще глаза былъ дорогъ ей онъ.

Да такіе и водятся рѣдко:

Къ госпожѣ своей былъ приученъ

Онъ, какъ къ матери дочь-малолѣтка;

Съ ея рукъ не сходилъ никогда,

Жилъ свой вѣкъ на пространствѣ къ ней близкомъ,

Тамъ и прыгалъ туда и сюда,

Лишь хозяйку привѣтствуя пискомъ.

И вотъ онъ-то теперь наугадъ

Сквозь потемки бредетъ осторожно

Къ той юдоли, откуда назадъ,

Говорять, ужъ прийти невозможно.

Всякихъ золь я желаю тебѣ,

Злая тьма гробового предѣла!

Все, что мило, ты тащишь къ себѣ.

Что за птичку ты милую съѣла!

Ахъ ты, бѣдненькій мой воробей!

Моей милой съ тобой беда.

Потому-то и глазки у ней

Покраснѣли, распухнувъ отъ плача.

Первое подтвержденіе своей надежды на взаимность Катулль нашель въ извѣстномъ признакъ, который какъ будто говорить о враждебности, однако можетъ испугать развѣ ужь совсѣмъ юнаго и неопытнаго ухаживателя:

92.

Меня порочить Лезбія всечасно,
И рѣчи всѣ ея мной заняты сполна;
Такъ пусть я пропаду напрасно,
Когда въ меня она не влюблена.

Какъ это знать? Да по себѣ мнѣ ясно:
Своими узами я вѣчно возмущень,
Но пусть я пропаду напрасно,
Когда въ нее и самъ я не влюбленъ.

То-же, но, вѣроятно, уже съ расчетомъ, Лезбія дѣлала и при своемъ недалновидномъ супругѣ:

83.

При мужѣ Лезбія ретиво
Меня бранить со всѣхъ сторонъ,
И мой болванъ самолюбивый
Тѣмъ безконечно восхищентъ.

Осель, не разумѣешь дѣла:
Будь ею точно я забыть,
Она бы сердцемъ не болѣла;
А если колетъ и лзвить,

Меня не только не забыла,
Но, въ чемъ опасность посильнѣй,
Она кишитъ, и гнѣва сила
Молчать не позволяеть ей.

Это было, очевидно, въ 61 г., когда мужъ Клодіи, отбывъ срокъ своего проконсульства въ Цизальпинской Галліи, вернулся въ Римъ. Къ болѣе раннему времени отнести это стихотвореніе нельзя, потому что въ 63 г., когда

Метелль, будучи преторомъ, находился въ Римѣ, обнаружился заговоръ Катилины, на который, несмотря на произведенный имъ переполохъ, особенно въ столицѣ, у Катутла нѣтъ нигдѣ ни малѣйшаго намека, изъ чего можно заключить, что Катутль пріѣхалъ въ Римъ не ранѣе 62 г. ¹²⁾). Но и позже онъ не могъ говорить о мужѣ Лезбіи, какъ о живомъ, потому что Метелль умеръ въ томъ-же 61 г. Разумѣется, присутствіе мужа должно было нѣсколько замедлить полное сближеніе Лезбіи съ Катутломъ. Но при тогдашнихъ нравахъ и при дружбѣ Катутла съ богатыми молодыми аристократами скоро найдено было средство къ устраненію этой помѣхи: одинъ изъ этихъ пріятелей познакомилъ его съ нѣкимъ Алліемъ Манліемъ (можетъ быть, изъ вѣтви Торкватовъ), а этотъ новый пріятель открылъ ему собственный домъ для свиданій съ возлюбленной. За эту услугу Катутль отблагодарилъ его стихотвореніемъ, которое будетъ приведено ниже.

Для Катутла настали дни безграничнаго упоенія.

5.

Будемъ, Лезбія, жить, пока живы,
И любить, пока любить душа;
Старыхъ силетниковъ ропотъ брызгливый
Пусть не стоитъ для насъ ни гроша.

Солнце сядетъ чредой неизмѣнной
И вернется, какъ было, точь въ точь;
Насъ, лишь свѣтъ нашъ померкнетъ мгновенный,
Ждетъ одна непробудная ночь.

Дай лобзаній мнѣ тысячу сразу
И къ нимъ сотню и тысячу вновь,

¹²⁾ Тѣмъ не менѣе Швабе относитъ его прибытіе въ Римъ предположительно къ 67 г.

Сто еще, и къ другому заказу
Вновь на столько-же губки готовъ.

А какъ тысядь наконится много,
Счесть собьемъ, чтобъ забыть намъ итогъ,
Чтобъ завистникъ не вычислилъ строга
Всѣхъ лобзаній и сглазить не могъ.

Это пріятное препровожденіе времени, быть можетъ, нѣсколько прискучившее многоопытной Лезбіи, но и шестнадцатъ столѣтій спустя внушившее Голландцу Яну Эффертсу (*Johannes Secundus*) цѣлый сборникъ «Поцѣлуевъ» (*Basia*), вдохновило Катулла еще къ одному стихотворенію, въ которомъ даже александрійскія прикрасы не подавили ни восторженнаго увлеченія, ни игриваго остроумія Катулла:

7.

Хочешь, Лезбія, знать ты навѣрно,
Сколько нужно лобзаній твоихъ,
Чтобы я не просилъ ихъ безмѣрно
И, съ излишкомъ довольный, притихъ.

Какъ песокъ неисчетны крупины,
Силошь усяявшихъ Ливіи край
По сосѣдству Киренской границы,
Гдѣ на силфій всегда урожай¹³⁾,

Межъ святилищемъ въ знойной пустынь,
Гдѣ Юпитеръ судьбу говоритъ¹⁴⁾,
И межъ зданіемъ, равнымъ святищу,
Древній Баттъ подъ которымъ зарытъ¹⁵⁾,

¹³⁾ Силфій— греческое названіе растенія *assa foetida*, которое, несмотря на свой непріятный запахъ, цѣнилось тогдашними гастрономами въ качествѣ приправы къ кушаньямъ.

¹⁴⁾ Храмъ и прорицалище Юпитера Аммона.

¹⁵⁾ Баттъ— основатель Кирены.

Или сколько въ безмолвіи ночи
Яркихъ звѣздъ по дорогѣ своей
Устремляютъ безсмертныя очи
На любовныя тайны людей,

Столько жаждетъ Катуллъ ненасытный
Обмѣнять поцѣлуевъ съ тобой,
Чтобы счесть ихъ не могъ любопытный
И смутить наговорами злой.

По смерти мужа красавица, которой тогда было лѣтъ 30 съ небольшимъ, очутилась на волѣ. Если вѣрно предположеніе нѣкоторыхъ толкователей, что въ посланіи къ Фабуллу, одному изъ ближайшихъ друзей поэта, не названная по имени возлюбленная есть та-же Лезбія, она такъ мало стѣснялась общественнымъ мнѣніемъ, что вмѣстѣ съ Катулломъ принимала его пріятелей.

13.

Отобѣдать можешь ты прекрасно
У меня, Фабулль, на этихъ дняхъ,
Если чтить боговъ ты не напрасно;
Лишь съ собой на свой ты долженъ страхъ.

Взять обѣдъ обильный и отборный,
Прихвативъ дѣвицу помилѣй
И вина и хохотъ непритворный,
Умъ и соль игриваю рѣчей.

Если ты, я повторяю ясно,
Принесешь все это, мой дружокъ,
Пообѣдать можешь ты прекрасно.
Твоего Катулла кошелекъ,

Если полонъ, то лишь паутиной.
А за то здѣсь ждешь тебя привѣтъ
Безъ затѣй, съ любовью лишь единой,
Иль еще пріятнѣйшій предметъ,

Даръ изящный, чудо межъ дарами:
Ту помаду здѣсь получишь ты,

Что моей зазнобѣ дали сами
Божества любви и красоты.

И когда поздрями ты потянешь
Этотъ запахъ олимпійскихъ розъ,
Умолять боговъ, Фабулъ, ты станешь:
„О, я весь да обращаюсь въ ность!“.

Катулъ, полагавшій красоту не въ одной правильно-сти чертъ и внушительности фигуры, до такой степени восхищался гармоническимъ соединеніемъ разнообразныхъ прелестей въ Лезбіи, что ему казалось досаднымъ призна-ніе другой женщины красавицей. Таковою считалась ка-кая-то Квинтія, — и вотъ онъ возстаетъ противъ этой оцѣнки:

86.

У многихъ Квинтія красавицей слыветъ.
По мнѣ, она бѣла, пряма, большого роста;
Отдѣльныхъ этихъ въ ней красоть
Не отвергаю я; но выразить такъ прося
Словцемъ „красавица“ ей общій приговоръ
Я не могу: напрасно ищетъ взоръ
Во всемъ ея обширномъ тѣлѣ
Хоть капли граціи, хоть искры огонька.
Вотъ Лезбія—та въ самомъ дѣлѣ
Красавица: изъ одного куска
Какъ-бы изваянь весь сей образъ несравненный,
И, вся изящества полна,
Она всѣ прелести красавицъ всей вселенной
Себѣ усвоила одна ¹⁶⁾.

¹⁶⁾ Переводъ въ концѣ значительно многословіе подлинника; но пере-водчикъ предпочелъ впасть въ этотъ недостатокъ, нежели ослабить вос-торженность тона или затемнить рѣзко выраженную поэтомъ противопо-ложность между цѣлымъ и частями, между поразительной красотой и ча-рующею привлекательностью.

Другой такой-же случай былъ въ Веронѣ, куда, по видимому, около того-же времени Катулла пришлось отлучиться изъ Рима. И здѣсь были свои львицы, вызывавшія восторги провинціаловъ. Одну изъ нихъ, возлюбленную начальника инженерной части (*praefectus fabrum*) при Цезарѣ, извѣстнаго расточителя, Мамурры изъ города Формій (*Formiae*), кто-то, очевидно, изъ бывавшихъ въ Римѣ, прямо сравнивалъ съ Лезбіей. Хотя Катулла вдали отъ предмета своей любви, судя по стихотворенію 41, самъ былъ не прочь добиться милостей этой дѣвицы, однако на такое дерзновенное сопоставленіе отвѣтить язвительной эпиграммой:

43.

Дѣвъ-красотѣ поклонъ мой покорный,
Носъ у которой не малъ, не казистъ,
Ножки не стройны, а глазки не черны,
Пальцы не длинны, а ротикъ не чистъ,

Рѣчь, если правду сказать, не робѣя,
Тоже не самая прелесть и сласть.
Здравствовать, дѣва, желаю тебѣ я,
Мота Формійскаго нѣжная страсть!

Ты-ль красота, о которой такъ ложно
Голосъ провинціи судъ свой изрекъ?
Съ Лезбіей спорить тебѣ ли возможно?
Что за безвкусный, бессмысленный вѣкъ!

Смерть мужа подала Лезбіи и Катулла поводъ къ мечтамъ о бракѣ, но, несмотря на ея увѣренія въ любви, онъ начиналъ уже подозрѣвать, что на ея слова полагаться опасно.

70.

Мнѣ говорить моя подруга,
Что я всѣхъ болѣе ей милъ,
Хотя бы правъ ея супруга
Себѣ Юпитеръ самъ просилъ.

Но что любовникамъ кипучимъ
Твердятъ подруги въ тишинѣ,
На вѣтерѣхъ пиши летучемъ
И на несущейся волнѣ.

И точно, въ ея отношеніяхъ къ нему стала все болѣе ощущаться холодность, и наконецъ дѣло дошло до того, что она совсѣмъ отвернулася отъ своего обожателя. Катуллъ впалъ въ глубокое уныніе, но чувство собственнаго достоинства заставило его прикинуться равнодушнымъ.

8.

Бѣднякъ Катуллъ, не тѣши себя мечтой напрасной:
Что было, то прошло, и грусть о томъ—тщета.
Сіялъ въ былые дни тебѣ лучъ солнца ясный,
Когда ты хаживалъ, куда водила та,

Которой ни одна не будетъ мнѣ дороже.
Тамъ было множество намъ памятныхъ проказъ,
Желанныхъ для тебя, ей не противныхъ тоже.
Да, солнца лучъ тогда сіялъ тебѣ не разъ.

Теперь она не та; и ты будь равнодушенъ:
Бѣглянку не лови, невзгоду бодро встрѣть,
Крѣпись и терпи, лишь разуму послушенъ.
Прощай же, милая: Катуллъ готовъ терпѣть:

Искать тебя и звать не станеть противъ воли.
А ты почувствуешь, какъ горько жить одной.
Злодѣйка, берегись: какой дождешься доли?
Кто подойдетъ къ тебѣ? плѣнится кто тобой?

Кого полюбишь ты? чьей будешь слыть отънынѣ?
Кого лобзать? кому уста кусать порой?
А ты, Катуллъ, терпи, не уступай кручинѣ.

Съ этимъ грустнымъ стихотвореніемъ состоитъ, по видимому, въ связи другое, сатирическое: оба не только написаны тѣмъ-же размѣромъ (что само по себѣ ничего не доказываетъ), но и содержать въ себѣ почти дословно повторенное завѣреніе, что Катуллъ любилъ Лезбію такъ, какъ никого не полюбитъ. Кромѣ того—какъ въ томъ, такъ и въ другомъ стихотвореніи Лезбія не названа по имени, на что была, вѣроятно, причина, одна и та-же въ обоихъ случаяхъ. Но такъ какъ отношеніе перваго изъ нихъ къ Лезбіи несомнѣнно, во второмъ должна разумѣться она-же. Здѣсь Катуллъ выступаетъ противъ своихъ соперниковъ, и, должно быть, уже не въ первый разъ, если то, что онъ говоритъ о войнахъ, веденныхъ имъ за Лезбію, слѣдуетъ понимать въ этомъ смыслѣ. Въ числѣ любезниковъ, заслужившихъ благосклонность Лезбіи, былъ нѣкто Эгнатій, Испанецъ изъ племени Кельтиберовъ, глухой и самодовольный, но съ наружностью, въ извѣстномъ смыслѣ, интересной. Въ особомъ стихотвореніи (39), написанномъ (что уже едва-ли случайно) тѣмъ-же размѣромъ, ревнивый поэтъ жестоко смѣется надъ Эгнатіемъ за его вѣчную улыбку, посредствомъ которой онъ выставляетъ на показъ бѣлизну своихъ зубовъ, изобличающую усердное употребленіе кельтиберской *ea dentifrice*, столько-же общедоступной, сколько неаппетитной. Тотъ-же блестящій (по крайней мѣрѣ, зубами) молодой человѣкъ является и въ упомянутой выше сатирической выходкѣ, но уже не одинъ, а со своими товарищами по какому-то обществу или клубу, собиравшемуся въ гостиницѣ на Священной улицѣ, у девятаго столба отъ Діоскуровъ, т. е. ихъ изваянія или храма.

37.

Вы, гости кабака, извѣстнаго развратомъ
 (Отъ братьевъ въ колпачкахъ дверь при столбѣ девятомъ)!
 По вашему, лишь вы мужскихъ достойны правъ,
 Всѣ женщины живутъ для вашихъ лишь забавъ,
 А прочихъ за козловъ считаете смердящихъ?
 Иль оттого, что васъ, вплотную тамъ сидящихъ,
 Сто, двѣсти олуховъ, вы думаете такъ,
 Что побоюсь задѣть я двѣсти вдругъ сидякъ?
 Но знайте: я готовъ и стѣну всю у входа
 Покрою знаками достойнаго васъ рода.
 Вѣдь съ груди женщина бѣжавшая моей,
 Которой ни одна не будетъ мнѣ милѣй,
 Изъ-за которой вель я войны безъ пощады,
 Застѣла между васъ. Вы всѣ пылатъ къ ней рады.
 Богаты, знатны вы, но, что мнѣ въ васъ претить,
 Вы всѣ изъ уличныхъ, ничтожныхъ волокитъ,
 А худшій ты,—какъ франтъ, въ прическѣ покосматѣй,
 Сородичъ кроликовъ ¹⁷⁾, ты, Кельтиберъ Эгнатій,
 Красавцемъ славимый за бороды размѣръ
 И зубы, мытые, чѣмъ моетъ ихъ Иберъ.

Первая размолвка между Катулломъ и Лезбіей кончилась примиреніемъ, которое возвратило довѣрчивому юношѣ прежнее восторженное настроеніе.

107.

Когда намъ то, чего съ тоскою
 Мы робко жаждали въ тиши,
 Предстанетъ вдругъ само собою,—
 Вотъ праздникъ истинный души!
 То праздникъ, Лезбія, мнѣ пышный,
 Ни съ чѣмъ не равный по цѣнѣ,

¹⁷⁾ Если *cuniculosus* въ этомъ мѣстѣ значитъ „обильный кроликами“ (а не шахтами), слѣдуетъ предположить, что изъ Испаніи вывозились въ Италію между прочимъ кролики.

Когда въ отвѣтъ молебъ неслышной
Ты возвращаешься ко мнѣ.

Ты возвращаешься безъ зова,
Понявъ тоску любви моей,
Сама даришь себя мнѣ снова.
О день, блаженнѣйшій изъ дней!

О, кто бъ восторгомъ обладанья
Со мной соперничать посмѣлъ?
Кто между благъ существованья
Найдетъ завиднѣйшій удѣлъ?

И такъ починъ принадлежалъ Лезбін. Была ли она уязвлена въ своемъ самолюбіи притворнымъ равнодушіемъ недавняго обожателя? Но едва-ли долго онъ былъ въ силахъ держаться такой политики; изъ его свидѣтельства въ стихотвореніи, которое сейчасъ будетъ приведено, видно, что въ досадѣ на холодность Лезбін онъ обратилъ жало своихъ насмѣшекъ и на самое измѣнницу. Для людей такого пошиба, какъ Лезбія, нѣтъ ничего страшнѣе, чѣмъ *le ridicule*, а эпиграммы Катулла могли ей создать именно такое положеніе. Какъ бы то ни было, она первая пошла на мировую, извѣстивъ Катулла, что она дала Венерѣ и Амуру обѣтъ, состоящій въ томъ, что, если онъ возвратится къ ней и перестанетъ преслѣдовать ее своими эпиграммами, она сожжетъ въ видѣ жертвы «отборныя произведенія сквернѣйшаго поэта», какъ не безъ кокетливой хитрости выражалась она, разумѣя, конечно, его собственные стихи противъ нея. Но Катуллъ придалъ этой затѣѣ неожиданный оборотъ, примѣнивъ ея слова къ «Анналамъ», или лѣтописи, скучной и нескладной поэмѣ Волузія (въ дѣйствительности, какъ думаютъ, Танузія). И здѣсь, какъ во второмъ стихотвореніи о поцѣлуяхъ, александрійская примѣсь (хромой богъ, т. е. Вулканъ, въ смыслѣ просто огня, и перечисленіе городовъ, почитаю-

щихъ особенно Венеру); и здѣсь, какъ тамъ, эти блески учености не мѣшаютъ игривости тона и даже содѣйствуютъ ей противоположною пріема торжественныхъ гимновъ смѣшному характеру жертвы.

36.

Анналь Волюзіевыхъ томъ,
Неблаговонныя сграницы,
Тебя исполнить мы зовемъ
Обѣтъ моей души-дѣвицы.

Венерѣ, кѣмъ сильна любовь,
Она клялась и Купидону,
Что, если къ ней вернусь я вновь
И впредь ее ужъ не затрону

Бичемъ свирѣлыхъ эпиграммъ,
Она сквернѣйшаго поэта
На выборъ самый гнусный хламъ
Отдастъ по смыслу словъ обѣта

Хромому богу на костеръ
Изъ дровъ, служащихъ силамъ ада;
И что такой обѣтъ остеръ
И очень милъ, хоть не безъ яда,

Плутовки вѣренъ былъ расчетъ.
Теперь, о дочь морской лазури,
Подъ чьей защитой цвѣтеть
Идалій твой, открытый Урій,

Обильный тростью Книдъ, Анковъ,
Голъ съ Амаеунтомъ отдаленнымъ,
Диррахій, Гадріа притонъ,
Признай обѣтъ тебѣ врученнымъ

И, какъ-бы онъ исполненъ былъ,
Считай уплаченнымъ отнынѣ,—
Конечно, если впрямь онъ милъ
И примѣненъ хитро къ причинѣ.

А ты ступай на казнь огнемъ,
Сборъ грубой, глупой небылицы,
Анналь Волюзіевыхъ томъ,
Неблаговонныя страницы.

Но вторичное сближеніе между любовниками состоялось уже не безусловно, а путемъ договора, на основаніи котораго Катуллъ долженъ былъ довольствоваться лишь однимъ опредѣленнымъ днемъ, предоставленнымъ ему Лезбіей за то всецѣло. Несмотря на тяжесть такого условія для влюбленнаго и на разочарованіе, къ которому оно должно было повести, Катуллъ старался утѣшиться мыслью, что и нѣкоторая доля въ милостяхъ такой божественной женщины можетъ составить счастье человѣка, и что дни свиданій съ нимъ она предпочитаетъ всѣмъ прочимъ. Эта уступчивость со стороны Катулла, вообще страстнаго и нетерпѣливаго, объясняется, можетъ быть, и тѣмъ, что въ это время голосъ любви въ его сердцѣ былъ заглушенъ извѣстіемъ о смерти брата, скончавшагося въ Троѣ, куда онъ ѣздилъ, вѣроятно, такъ-же, какъ и нашъ Катуллъ въ 57 г. въ Виѣнцію, въ свитѣ командированнаго туда сановника. И этотъ уговоръ съ Лезбіей и сокрушеніе о смерти брата мы находимъ въ упомянутомъ выше посланіи къ Аллію. Это стихотвореніе, соединенное въ рукописяхъ съ другимъ, ему предшествующимъ, и выдѣленное въ прошломъ вѣкѣ Раммлеромъ, не только стилизовано въ александрійскомъ вкусѣ, но и расположено по искусственной, вѣроятно, греческой схемѣ, которую Вестфаль возводитъ къ плану Терпандровскаго нома. Эта схема заключается въ двойномъ обратномъ порядкѣ семи частей, изъ которыхъ первая соотвѣтствуетъ по содержанію седьмой, вторая—шестой, третья—пятой, а четвертая, посвященная Катуллою сѣтованію объ утраченномъ братѣ,

составляетъ центръ или ядро всего произведенія. Потому-то объ отношеніяхъ Катулла къ Лезбіи и о любви Лаодаміи къ Протесилаю въ этомъ стихотвореніи говорится по два раза.

68. 6.

Нельзя мнѣ умолчать, богини, чѣмъ помогъ
Мнѣ Аллій, и каковъ имъ дружбы данъ залогъ,
Не то—чреда годовъ, смѣняя поколѣнья,
Его усердіе сокроетъ тьмой забвенья.
Я вамъ скажу, а вы—ужь тысячамъ потомъ,
И пусть сей листъ, истлѣвъ, все рѣчь ведетъ о немъ,
Чтобъ доблести его при жизни всѣ узнали,¹⁸⁾
Чтобъ мерѣвый славился тѣмъ болѣе, чѣмъ далъ,
И чтобъ наукъ свою развѣшенную сѣть
На имя Аллія не смѣлъ распространеть.—
Чѣмъ Амаеусія¹⁹⁾ покой мой возмутила,
Вы знаете, и какъ ея предстала сила,
Когда во мнѣ кипѣлъ Этнейской лавы пылъ.
И жаръ Малійскаго ключа²⁰⁾ у Ѳермопиль,
И очи мерянули, потокомъ слезъ залиты,
Сбѣгающихъ ручьемъ такимъ-же на ланиты,
Какъ тотъ, что, зарожденъ средь облачныхъ высотъ,
Изъ камня мшистаго струей прозрачной бьетъ
И, волны прокативъ долиною пологой,
Въ сосѣдствѣ ужь течетъ съ произжею дорогой,
Отраду путнику вспои́вшему суля.
Когда отъ сухости растрескались поля.
Тутъ, словно вѣтерокъ средь вихрей непогоды,
Который вдругъ съ кормы почуютъ мореходы,
Поллукса на мольбы съ Касторомъ преклоня,²¹⁾
Такимъ спасителемъ былъ Аллій для меня.

¹⁸⁾ Этотъ стихъ (7=47 по рукописному дѣленію) не сохранился въ рукописяхъ, и смыслъ его возстановленъ переводчикомъ по догадкѣ. Такъ и ниже стихи 102 и 103 (=142 и 143).

¹⁹⁾ Амаеусія—Венера.

²⁰⁾ Горячій ключъ у знаменитыхъ Ѳермопиль.

²¹⁾ Касторъ и Поллуксъ—покровители мореходовъ.

Онъ круга тѣснаго раздвинулъ мнѣ границу,
Открывъ пріютъ, гдѣ я встрѣчалъ свою парицу,
Чтобъ съ ней вкушать отъ всѣхъ любви взаимной благъ.
Туда направила богиня легкій шагъ
И стала на порогъ блистательною пятою,
Плѣвня обуви расчитанной красю,
Какъ Лаодамія, любви томясь огнемъ,
Вступила нѣкогда къ Протесилаю въ домъ,²²⁾
Основаанный вотще, безъ крови той священной,
Что миръ даетъ одна съ владыками вселенной.
Мнѣ, о Рамнусія,²³⁾ не дай такихъ страстей,
Чтобъ волю вышнюю я ниже чтить своей!
Какъ жадно ждетъ сухой алтарь кровавой дани,
То Лаодамія постигла средь страданій,
Когда была должна съ супругомъ молодымъ
Проститься ранѣе, чѣмъ въ смѣнѣ многихъ зимъ
За ночи долгія пресытилась любовью,
Чтобы потомъ нести съ терпѣньемъ долю вдовью.
А жребій ей такой судьбою былъ рѣшень,
Какъ скоро мужъ пойдетъ въ походъ подъ Іліонъ.
Въ то время за увозъ Елены жаждой боя
Красу всей Греціи ужъ привлекала Троя,
Та Троя, гдѣ Востокъ и Западъ смерть нашли,
Та Троя, гдѣ лежитъ героень тѣма въ пыли,
И брата моего ты привела къ кончинѣ.
О братъ мой! я, увы, лишень тебя отнынѣ;
О братъ! увы, лишень ты свѣта бытія.
Съ тобою погребена и наша вся семья,
Съ тобою всякая во мнѣ увяла радость,
Которую любви къ тебѣ питала сладость.
Теперь ты спишь вдали, не межъ родныхъ могилъ,
Не рядомъ съ прахомъ тѣхъ, чью память ты любилъ,
Но въ Троѣ роковой, но въ Троѣ всѣмъ постылой,
Въ краю чужомъ, покрытъ землей, тебѣ немилый.
Туда-то, говорятъ, толпою за толпой,
Покинувъ очаги, стремился Грековъ рой,

²²⁾ Протесилай, вскорѣ послѣ брака съ Лаодаміей принявъ участіе въ походѣ Грековъ противъ Трои, былъ убитъ при самой высадкѣ на вражескій берегъ.

²³⁾ Рамнусія — Немезида.

Чтобы Паридъ не могъ вкушать любви утѣхи,
 Съ подругой краденой ликуя безъ помѣхи.
 Такъ, Лаодамія, былъ отнять у тебя,
 Кѣмъ ты жила, его сильнѣй, чѣмъ жизнь, люби.
 Столь бѣшеннымъ любви влекома потокомъ,
 Была ты ввергнута въ такую бездну рокомъ,
 Какая, гдѣ Феней Килленскій воли леть, ²⁴⁾
 Изъ близкихъ къ ней трясинъ, какъ слышно, влагу пьетъ,—
 Та, для которой горь просѣчена громада
 Рукою ложнаго Амфитріонада, ²⁵⁾
 Предъ тѣмъ Стимфальскихъ птицъ обрѣзшаго стрѣламъ.
 По манію того, кого не чтялъ и самъ, ²⁶⁾
 Чтобы небожителей за то былъ сонмъ умноженъ
 И дѣвству Гебину уже конецъ положенъ. ²⁷⁾
 Но глубже бездны той твоя зіла страсть,
 Жестоко на тебѣ свою являя власть.
 Не любить внука такъ старикъ передъ кончиной,
 Нежданно дочерью рожденного единой,
 Который, дѣдовскихъ прямой наслѣдникъ правъ,
 Лишь въ завѣщаніе законное попалъ
 И скряги-родича надежды уничтожа,
 Тѣмъ гонить коршуна ²⁸⁾ отъ старческаго ложа;
 Ни бѣлымъ голубкомъ голубка ни одна
 Не наслаждалась такъ, хотъ, говорятъ, она
 Лобзаній болѣ срываетъ клювомъ жаднымъ,
 Чѣмъ женщина, огнемъ томяся безпощаднымъ.
 Восторги этихъ всѣхъ одна ты превзошла,
 Лишь русокудраго супруга обняла.
 Вотъ ей подобная почти иль безусловно,

²⁴⁾ Феней—рѣка въ Аркадіи близъ горы Киллены.

²⁵⁾ Геркулесъ носилъ отчество по мужу своей матери, Амфитріону, но истиннымъ отцемъ его былъ Юпитеръ.

²⁶⁾ Пятый изъ двѣнадцати подвиговъ, предпринятыхъ Геркулесомъ по приказу аргивскаго царя Эврисея.

²⁷⁾ По причтеніи къ богамъ Геркулесъ получилъ въ супружество богиню юности, Гебу.

²⁸⁾ Въ подлинникѣ *vulturium*, что переводятъ коршуномъ лишь условно, такъ какъ латинское названіе относится къ другой птицѣ, болѣе крупной и пожирающей падаль. Потому согласно со смысломъ мѣста было бы, можетъ быть, лучше замѣнить эту птицу въ переводѣ ворономъ.

Стремилась милая ко мнѣ тогда любовно,
И часто вкруг нея, рѣзвися, Купидонъ
Одеждой брачною сверкала со всѣхъ сторонъ.
Катулла мало ей, но я снесу спокойно
Измѣны рѣдкія грѣшащей такъ пристойно,
Чтобъ ей не докучать ворчаньемъ, какъ глушецъ.
Ювона, несмотря на царскій свой вѣнецъ,
Нерѣдко сдерживать должна свой гнѣвъ ревнивый,
Прослышавъ, какъ грѣшитъ супругъ женолюбивый.
Но такъ какъ смертныя съ богами неравны,
А вѣрность не тверда ни мужа, ни жены,
То, не гнѣвая ее безмысленнымъ укоромъ,
Себя не отягчай родительскимъ надзоромъ.
Не отческой рукой была въ мой домъ она
Средь запаха духовъ сирійскихъ введена,
Но въ тишинѣ ночной ласкала тайно друга,
Покинувъ только-что объятія супруга.
Довольно и того: есть день всецѣло мой,
И онъ пріятнѣйшимъ ей кажется самой.—
Вотъ, Аллій, отъ меня стихами даръ посильный
За твой сокъ съ мной, услугами обильный,
Чтобъ ѣдкой ржавчиной на имени твоёмъ
Не легъ осадокъ лѣтъ, бѣгущихъ день за днемъ.
А боги придадутъ тѣ блага, что сначала,
Въ вѣкъ благочестія, Ѡемида разсыпала.
Такъ будь же счастливъ самъ съ подругою своею,
И домъ, гдѣ съ милою я много зналъ затѣй,
И тотъ, кто, сблизивъ насъ, мнѣ друга далъ такого,
Блаженства моего источникъ и основа,
А всѣхъ счастливѣй—та, кто мнѣ милѣй, чѣмъ я,—
Она, чьей жизнію мнѣ жизнь красна моя.

Но, какъ ни старался Катуллъ задержать ту волшебную
грезу, которая овладѣла его воображеніемъ и сердцемъ
подъ вліяніемъ прелестей Лезбіи, разочарованіе все чаще
закрадывалось въ его душу и все болѣе отравляло ему
жизнь. Ему уже плохо вѣрится въ рисуемыя Лезбіей кар-
тины любви до могилы.

109.

Ты общаешь, дорогая,
Что наши нѣжныя сердца,
Другъ другу счастье лишь давая,
Пребудутъ вѣрны до конца.

О вы, владыки мірозданья!
Ея обѣтъ да будетъ прямъ
И честны, искренни желанья,
Его внушившія устами,

Чтобъ нами былъ до края гроба
Непогрѣшительно хранимъ
Союзъ любви, которымъ оба
Мы какъ святыней дорожимъ!

Онъ воспоминаетъ ея прежнія увѣренія и, чѣмъ болѣе убѣждается въ ихъ ложности, тѣмъ болѣе теряетъ къ ней уваженіе, и его идеальная любовь къ ней уступаетъ мѣсто страстному влеченію, имѣющему уже мало общаго съ духовнымъ существомъ человѣка.

72.

Ты прежде, Лезбія, твердила,
Что лишь Катуллъ твой близкій другъ,
И что ни съ кѣмъ инымъ житье тебѣ не мило,
Хотя-бъ тебѣ Юпитеръ былъ супругъ.

Не такъ я чтилъ тебя въ то время,
Какъ чтить любовницъ свѣтъ пустой,
Но такъ-же, какъ отцемъ, годовъ несущимъ бремя,
Бываетъ зять любимъ или сынъ родной.

Съ тѣхъ поръ тебя я понималъ ясно,
И хоть теперь къ красѣ твоей
Влекусь я болѣе мучительно и страстно,
Ты для меня ничтожный и пошлый.

„Какъ это можетъ быть?“ ты спросишь.

Да вѣдь обидою такой

Въ мечты влюбленнаго ты больше страсти вносишь,

Но гасишь въ немъ любви огонь святой.

Хотя за его нѣжность и постоянство она заплатила ему равнодушіемъ и невѣрностью, онъ все-таки не можетъ съ ней разстаться, и не только вслѣдствіе бессмысленной привязанности къ ней, но и потому, что считаетъ себя какъ-бы въ долгу передъ нею за то блаженство, которымъ онъ былъ нѣкогда ей обязанъ.

87+75²⁹).

Не можетъ, не хвалясь напрасно,

Сказать любовница ничья,

Что нѣжно такъ была любима и такъ страстно,

Какъ мною ты, о Лезбія моя!

Не блещутъ вѣрностью такую

Нигдѣ союзы прежнихъ дней,

Какая въ пору грезъ, внушенныхъ мнѣ тобою,

Была видна со стороны моей.

²⁹⁾ Эти два стихотворенія соединены Скалигеромъ при помощи чтенія Nunc, которое, хотя извлечено имъ изъ рукописи (Cuiasianus), есть, вѣроятно, лишь поправка подлиннаго рукописнаго Нис. Лахманъ, видя, что Катюллъ говорить о душевномъ раздвоеніи, вмѣсто deducta поставилъ diducta. Но принадлежность этихъ отрывковъ трудно оспаривать, а если они представляютъ собою лишь части одного цѣлаго, необходимо Nunc. Однако при этомъ чтеніи нужно еще указаніе въ соотвѣтствіе съ ita слѣдующаго стиха. Это указаніе легко возстановить посредствомъ вставки всего одной буквы, которая могла быть пропущена въ унциальномъ и въ курсивномъ писмѣ по сходству съ слѣдующей: Nunc e(o)st mens deducta tua mea, Lesbia, culpa (съ запятой въ буколической діэрезѣ, а не въ caesura semi-septenaria — ср. 64, 21: Tum Thetidi pater ipse || iugandum | Pelca sensit, еще ближе 152: Pro quo dilaceranda || feris || dabor | alitibusque). Слитіе гласныхъ — какъ тамъ же 120: Omnibus his Thesei dulcem praeoptarit amorem.

Но твой поступок вѣроломный
Такъ рѣзко сбилъ меня съ пути
И совѣсти вопросъ такой поставилъ темный
О томъ, какъ долгъ мнѣ чести соблюсти,

Что вновь тебя не полюблю я,
Хоть стань ты скромностью самой,
Ни страсти чувственной къ тебѣ не подавлю я,
Хотя-бъ на стыдъ махнула ты рукой.

Эту внутреннюю трагедію Катуллъ выразилъ просто и рѣшительно въ знаменитомъ двустииші, которое почти невозможно перевести такимъ-же числомъ стиховъ безъ ущерба формѣ или содержанію.³⁰⁾

85.

Любовь и ненависть кипятъ въ душѣ моей.
Быть можетъ, „почему?“ ты спросишь. Я не знаю,
Но силу этихъ двухъ страстей
Въ себѣ я чувствую и сердцемъ всѣмъ страдаю.

О той-же борьбѣ противоположныхъ чувствъ Катуллъ говоритъ и въ другомъ стихотвореніи, гдѣ свою любовь, уже лишенную всего, что въ ней было возвышающаго, но пустившую въ его сердцѣ глубокіе корни, онъ разсматриваетъ, какъ болѣзнь, отъ которой могутъ его избавить одни боги.

76.

О, если радость есть какая
Въ воспоминаныхъ добрыхъ дѣлѣ,
Когда, бывое воскрешая,
Ты мыслью строгой усмотрѣлъ,

³⁰⁾ По крайней мѣрѣ, съ приемами. Вотъ попытка Вестфала:

Ich hass' und liebe sie. Warum? Antworten dieser Frage,
ich kann es nicht, allein so ist's—ich weisz es und ich klage.

Что чтить ты все, что людямъ свято,
Что въ дружбѣ не былъ ты лукавъ,
Что не обманывалъ ты брата,
Себя съ нимъ клятвою связавъ,—

Катуллъ, какой запасъ утѣхи
Хоть въ долгой жизни вновь и вновь
Тебѣ готовить безъ помѣхи
Твоя безплодная любовь!

О, да: чѣмъ дѣло или слово
Служить въ предѣлахъ нашихъ силъ
Способно счастию другого,
Ты все сказалъ и совершилъ.

Но все добро пропало тщетно
Съ неблагодарностью въ борьбѣ.
Къ чему же мукой безотвѣтной
Терзаться долѣе тебѣ?

Зачѣмъ не ищешь ты свободы,
Съ собой вступивъ отважно въ споръ,
И не страхнешь съ себя невзгоды
Самимъ богамъ наперекоръ?

Какъ трудно страсти застарѣлой
Въ единый мигъ сказать „прости“!
Хоть трудно, но смѣлѣй за дѣло,
Не размышляя о пути!

Вотъ въ чемъ одномъ твое спасенье,
Вотъ, гдѣ яви надъ сердцемъ власть;
Туда направь свое стремленье,
Хоть побѣдишь, хоть долженъ пасть.

О боги, если стонъ унылый
Отъ смертныхъ къ вамъ находить путь,
И если на краю могилы
Спасали вы кого-нибудь,

На горькій мой удѣлъ призрите,
И, если былъ я не злодѣй,
Отраву эту удалите
Изъ груди страждущей моей,—

Недугъ мертвящій, охватившій
Все существо мое до дна
И навсегда меня лишившій
Того, чѣмъ жизнь была красна.

Ужъ не о томъ мое моленье,
Чтобъ ей взаимно сталъ я милъ,
Иль чтобы всѣмъ на удивленье
Въ ней женскій стыдъ заговорилъ:

Объ испѣленьѣ лишь молю я,
Чтобъ сбросить мерзостный недугъ.
О боги, это лишь даруя,
Воздайте цѣну мѣѣ заслугъ!

Въ самомъ дѣлѣ, время для такой молитвы давно настало: мѣняя любовниковъ съ необыкновенною легкостію, Лезбія распустилась до того, что не обошла и «Лезбія», которому предпочла Катулла со всѣмъ его родомъ, какъ сказано въ эпиграммѣ на ихъ отношенія (79), впрочемъ темной, по видимому, вслѣдствіе порчи послѣдняго стиха. Противопоставленіе Катулла съ его родомъ съ одной стороны и Лезбінъ—съ другой, навѣянное, можетъ быть, возмущающей совѣсть совмѣстностью мыслей о Лезбінъ съ воспоминаніями о безвременно угасшемъ братѣ, встрѣчается и въ короткомъ стихотвореніи къ Целію, изображающемъ Лезбію на низшей ступени паденія.

58.

Моя Лезбія, Целій, та Лезбія самая,
Та подруга, которую прежней порой
Выше ставила нѣжность Катулла упрямая,
Чѣмъ себя самого со своей всей родней,—

Ужъ въ толпѣ перекрестка, въ безлюдѣ прохода
Тѣшить гордые отпрыски Ремова рода ³¹⁾.

³¹⁾ „Тѣшить“ ли или „тешеть“ или еще какъ-нибудь, зависитъ отъ того, какъ поймемъ во всякомъ случаѣ очень крѣпкое *glubit* (собственно „лупить“).

Прозаическое описаніе нѣкоторыхъ подвиговъ Клодіи на поприщѣ проступковъ не только нравственныхъ, но и юридическихъ мы находимъ въ рѣчи Цицерона за того-же оратора Целія, который въ 56 г. былъ обвиненъ при дѣятельномъ участіи покинутой имъ Клодіи Луціемъ Семпроніемъ Атратиномъ младшимъ въ различныхъ государственныхъ преступленіяхъ и въ пользованіи ея деньгами для достиженія противозаконныхъ цѣлей. Въ связи съ этимъ скандальнымъ процессомъ можетъ состоять благодарственное стихотвореніе Катуллы къ Цицерону:

49.

Изъ внуковъ Ромула искуснѣйшій витія,
Маркъ Туллій, сколько ихъ въ себѣ содержитъ свѣтъ,
И сколько числилось во времена былыя,
И сколько принесетъ чреда грядущихъ лѣтъ!

Благодарить тебя душой нелицемѣрной
Катулль, поэтовъ всѣхъ сквернѣйшій во сто кратъ,
Поэтъ на столько-же межъ всѣми самый скверный,
На сколько изо всѣхъ ты лучшій адвокатъ.

Черезъ годъ, какъ можно думать по упоминанію Катулломъ Британніи, куда Цезарь переправился въ 55 г., Лезбія обнаружила склонность къ новому сближенію съ Катулломъ. Правдоподобно предположеніе Вестфала, что она воспользовалась для переговоровъ объ этомъ щекотливомъ предметѣ посредничествомъ двухъ знакомыхъ Катуллы, которыхъ онъ впрочемъ презиралъ, Фурія и Аврелія. Эти посланцы, исполняя порученіе Лезбіи, явились къ нему съ завѣреніями въ своей дружбѣ, ради которой они готовы слѣдовать за нимъ хоть на край свѣта. Съ ними Катулль и посылаетъ своему бывшему кумиру рѣшительный

отказъ, замѣчательный разнообразіемъ тона: первыя четыре строфы напыщены, какъ объясненія набивающихся къ нему въ друзья жалкихъ агентовъ Лезбін, пятая, гдѣ онъ говоритъ о ней, полна брезгливаго презрѣнія, а въ послѣдней, въ которой онъ воспоминаетъ о своей погибшей любви, слышится стонъ неизлѣчимо уязвленнаго сердца.

11.

Аврелій и Фурій, готовые въ путь за Катулломъ,
Будь цѣль его — Индія, крайняя міра страна,
Гдѣ бьетъ въ берега съ далеко раздающимся гуломъ
Восточнаго моря волна,

Къ Гирканамъ ли, иль гдѣ Арабы въ роскошномъ покоѣ,
Гдѣ Саки живутъ или Парянинъ, грозный стрѣлокъ,
Туда ли, гдѣ Нилъ семиустый на лоно морское
Желтѣющій гонитъ свой токъ,

Шагнуть ли захочетъ за Альпъ снѣговья вершины,
Чтобъ видѣть, гдѣ Цезарь великій на вѣкъ прогремѣлъ,
Вдоль Галліи Рейнъ, Океана лихія пучины,
Британнію, свѣта предѣль, —

Все это со мною извѣдать готовы вмѣстѣ,
Какой небожители намъ ни рѣшатъ изъ путей,
Въ немногихъ словахъ отъ меня нежеланны вѣсти
Снесите вы милой моей:

Сама и дружки всѣ ея пусть живутъ безмятежно,
Которыхъ толпу она держитъ заразы для утѣхъ,
Изъ нихъ никого отъ души не любя, но прилежно
Собой надрывая ихъ всѣхъ,

И пусть ужъ любви моей больше не ждетъ и не проситъ,
Что ею-же сгублена пала, какъ падаетъ вдругъ
Цвѣтокъ на окраинѣ луга, когда его скосить
Идущій по близости плугъ.

Таково послѣднее слово Катулла о любви, стоившей ему душевнаго покоя на весь остатокъ его недолгой жизни.

Да, это ужъ старая сказка,
Но вѣкъ она будетъ нова,

и трудно найти въ поэзіи болѣе наглядное подтвержденіе этихъ словъ Гейне, чѣмъ стихотворенія Катулла о Лезбii: въ нихъ онъ разсказалъ эту вѣчную сказку такъ полно, такъ жизненно, такъ по-человѣчески, что и люди XIX в., слѣдя за его радостями и печальми, невольно забываютъ разницу культуры и времени,—словно все это писалъ не такъ называемый классикъ, жившій за 1900 слишкомъ лѣтъ до насъ, а современная намъ жертва восторженной любви и горькаго разочарованія.

Мы видѣли, что у Александрійцевъ была мода на эротическую поэзію, и что любимой формой этой поэзіи у нихъ была элегія. Вникая въ исторію любви Катулла къ Лезбii по его стихотвореніямъ, едва-ли кто и вспомнить о влияніи моды на литературу: здѣсь чувствуется сама жизнь безо всякаго отношенія къ какимъ-либо вѣяніямъ въ способахъ ея воспроизведенія. Къ тому-же Катуллъ выражалъ свои чувства къ Лезбii далеко не всегда въ элегической формѣ. Но въ поколѣніи, слѣдующемъ за Катулловымъ, любовь дѣлается до нѣкоторой степени вопросомъ моды и съ тѣмъ вмѣстѣ появляются элегики-спеціалисты. Для любви, какъ предмета моды, нужна модная обстановка. Условія такой любви опредѣлились уже въ Александрiи и отчасти въ другихъ городахъ Греціи и Малой Азіи, процвѣтавшихъ въ тѣ времена, когда столица Птолемеевъ не была еще основана: это должна была быть любовь виѣбрачная и не ведущая къ браку и сверхъ того—любовь съ препятствіями, внѣшними или внутрен-

ними, вносящими въ романъ разнообразіе и дающими поэту возможность показать свое искусство въ изображеніи тоски влюбленнаго при разлукѣ, радости при свиданіи, ревности при появленіи счастливаго соперника, ликованія при побѣдѣ надъ нимъ и т. п. Какъ ни вольны были нравы въ Александріи, все-таки по духу этой любви и по условіямъ греческой жизни замужнія женщины, по крайней мѣрѣ, изъ порядочнаго общества, не годились въ героини такихъ романовъ. За то всѣ надлежащія условія были на лицо въ такъ называемыхъ гетерахъ, изящныхъ, образованныхъ и вообще обладавшихъ всѣми качествами, нужными для плѣненія мужчинъ. Въ числѣ многообразныхъ благъ греческой культуры къ Римлянамъ перешелъ и этотъ классъ женщинъ—сначала въ подлинникѣ, потомъ—въ посылныхъ подражаніяхъ преимущественно изъ вольноотпущенницъ. Примѣръ заразителенъ, особенно при благопріятныхъ условіяхъ; и вотъ въ Римѣ кромѣ прелестницъ, не стѣсненныхъ никакими обязательными отношеніями, развился, по видимому, типъ средній между порядочными и непорядочными женщинами, не гнушавшійся обогащеніемъ изъ того-же предосудительнаго источника. Возможно, что описанной выше эманципаціи римскихъ женщинъ содѣйствовали тѣ и другія практическія насадительницы плодовъ греческой цивилизаціи. Съ ихъ-то появленіемъ во всесвѣтномъ городѣ древности и совпадаетъ эпоха модной любви въ римской жизни и элегіи—въ римской литературѣ. Сколько можно судить по произведеніямъ послѣдняго римскаго элегика, Овидія, автора знаменитой «Любовной науки» (*Ars amatoria*), для молодого человѣка хорошаго общества въ тогдашнемъ Римѣ считалось почти обязательнымъ имѣть предметъ любви,—любви, непременно взаимной, хоть не глубокой и непрочной. Но что касается ха-

рактера этихъ отношеній, то путемъ сравненія свѣдѣній, почерпаемыхъ изъ Овидія, съ данными, находимыми у его предшественниковъ, можно вывести заключеніе, что въ началѣ эти полу-искусственные романы были все-же искреннѣе, чѣмъ впослѣдствіи. Прежде всего—нельзя сомнѣваться въ реальности красавицъ, воспѣтыхъ предшественниками Овидія по элегій, такъ какъ Апулей сообщаетъ ихъ истинныя имена, скрытыя въ стихотвореніяхъ ихъ поклонниковъ подъ псевдонимами. Къ тому-же ведутъ и нѣкоторыя частности, явно заимствованныя изъ дѣйствительной обстановки. Такихъ чертъ особенно много у Проперція, но и въ болѣе блѣдныхъ съ этой стороны элегійхъ Тибулла нельзя не признать реальной смѣну двухъ возлюбленныхъ или, можетъ быть, трехъ, если неназванная подруга въ предпоследней элегій четвертой книги не тождественна съ одной изъ двухъ извѣстныхъ по имени. Одна изъ нихъ, Делія, или, на самомъ дѣлѣ, Планія, была замужняя³²⁾, но непостоянная въ своихъ привязанностяхъ, другая, Немезида,—повидимому, прелестница по ремеслу и очень корыстолюбивая. Обѣ онѣ, конечно, казались Тибуллу привлекательными, однако не видно, чтобы онѣ отличались воспитаніемъ или какими-нибудь дарованіями, тогда какъ возлюбленная Проперція, Цинтія (Кинѳія), въ дѣйствительности Гостія³³⁾, не только получила хорошее образованіе, по крайней мѣрѣ, салонное, но и писала стихи. Если бы кто вздумалъ возразить на это, что такая разница между предметами любви Тибулла и Проперція объясняется просто разницею въ ихъ требованіяхъ отъ жен-

³²⁾ Этому не противорѣчитъ вмѣшательство пресловутой Iena (I, 5, 48): ср. Προκυκλῆς ἢ μαστροπός Геронда. О мужѣ Деліи I, 6, 8.

³³⁾ Римскіе поэты выбирали для своихъ возлюбленныхъ псевдонимы во столько-же [словомъ и съ такимъ-же распредѣленіемъ долготъ, какъ

щинъ, то легко было бы отвѣтить, что разницѣ въ требованіяхъ должны были соответствовать и въ дѣйствительности различные типы предметовъ любви, и сверхъ того, что, если поэтъ придаетъ своимъ воображаемымъ чувствамъ видъ реальной любви, то, притворяясь сочиняющимъ свои стихотворенія для мнимой избранницы своего сердца, онъ, вѣроятно, приписалъ бы ей способность оцѣнки поэтическихъ произведеній, особенно тамъ, гдѣ онъ восхваляетъ вдохновившую его женщину, чего не дѣлаетъ Тибуллъ. Относительная реальность картинъ любви, рисуемыхъ первыми римскими элегиками, выступаетъ съ особенной убѣдительностью при сравненіи ихъ съ тѣмъ, что мы находимъ въ эротическихъ элегіяхъ (*Amores*)

подлинное имя, и начинающіяся гласной или согласной въ зависимости отъ него-же. *Cynthia* не подходитъ подъ послѣднее условіе, такъ какъ начало имени *Hostia* должно считаться гласнымъ со всѣми метрическими послѣдствіями этого обстоятельства. Отсюда Ротштейнъ въ предисловіи къ своему изданію Проперція (*S.XXVIII*) заключаетъ, что Проперцій не имѣлъ въ виду возможности замѣны выдуманнаго имени настоящимъ и, слѣдовательно, писалъ не для Гостіи, а для публики. Псевдонимы подругъ Катутла, Тициды, Галла, Тибулла и даже имя колдуньи (*Canidia* вмѣсто *Gratidia*) у Горация удовлетворяютъ всѣмъ тремъ условіямъ, а Проперцій вслѣдствіе пренебреженія однимъ изъ нихъ, и только однимъ, заградилъ себѣ путь къ восстановленію имени своей возлюбленной въ ея собственномъ экземплярѣ посвященныхъ ей стихотвореній. Это тѣмъ болѣе странно, что Кинѳія гораздо реальнѣе, чѣмъ, по крайней мѣрѣ, Делія и Немезида (о прочихъ мы не можемъ судить, потому что относящіяся къ нимъ элегіи пропали); кромѣ того она была, безъ сомнѣнія, лучшей дѣвительницей поэтическихъ произведеній, чѣмъ подруги Тибулла. Всѣ эти затрудненія устраняются, если предположимъ, что Гостія произносила свое имя *Fostia*. По свидѣтельству Павла Діакона изъ словаря *Festa* 84 M., 59 Th.: *Foedum antiqui dicebant pro hoedo, folus pro olere, fostem pro hoste, fostiam pro hostia*), это была форма старинная, но она могла сохраниться въ простонародномъ языкѣ; а ужъ если аристократка *Claudia* называлась по-просту *Clodia*, незнатной Гостіи было еще естественнѣе усвоить своему имени плебейскую форму.

Овидія: въ нихъ несомѣнно поэтъ придумывалъ различные положенія, въ которыхъ можетъ очутиться влюбленный или, вѣрнѣе, ухаживатель, иногда самыя прозаическія, и не только не имѣлъ иныхъ цѣлей кромѣ литературныхъ, но, очевидно, и не скрывалъ этого отъ читателей: иначе онъ не позволилъ бы себѣ приписывать своей героинѣ несомѣстныя признаки, смотря по надобности, да и не представлялъ бы ея слабости и непривлекательныя стороны съ такимъ юмористическимъ безпристрастіемъ. Удивительно, какъ могли позднѣйшіе Римляне, напр. Аполлинарій Сидоній, заподозрѣть въ Овидіевой Кориннѣ даже историческую личность, дочь или внуку Августа, и какъ новѣйшій толкователь Проперція, Ротштейнъ, не замѣтилъ различія между элегіями Овидія и элегіями его предшественниковъ со стороны реальности воспѣваемыхъ ими женскихъ типовъ. У Овидія элегія есть исключительно литературное упражненіе, а сосредоточеніе этихъ стихотвореній около одного имени — литературный приѣмъ. Иными словами: элегія Овидія есть форма, унаслѣдованная отъ прежнихъ поэтовъ и уже утратившая свое первоначальное содержаніе. Но самое различіе между элегіями его и его предшественниковъ показываетъ, что содержаніе это, хотъ было и не вполне реально, все-таки нѣкогда существовало, какъ воспроизведеніе опозтезированной дѣйствительности. Тогдашняя мода требовала не просто элегіи, какъ литературной формы, но и любви, какъ основы элегіи, т. е. предметомъ моды была любовь, а элегія представляла собою отраженіе ея въ литературѣ. Понятно, что такая любовь, которая могла способствовать развитію извѣстнаго рода поэзіи въ смыслѣ не только стихотворной формы, но и выраженія опредѣленныхъ душевныхъ настроеній, должна была отличаться поэтическимъ

характеромъ, хотя-бы лишь условно, по внѣшности. Элегія Овидія предполагаетъ любовь къ женщинамъ, ухаживаніе то за той, то за другой и пожинаніе дешевыхъ лавровъ на этомъ безславномъ поприщѣ, а элегія старшихъ представителей этого рода поэзіи исходитъ изъ любви къ одной, опредѣленной женщинѣ, такъ или иначе удовлетворяющей духовнымъ потребностямъ поэта, будь эти потребности въ данномъ направленіи очень неприхотливы, а удовлетвореніе — далеко не полно. Въ этой модной обязательности любви къ одной сказался, можетъ быть, отчасти пережитокъ добраго стараго времени, когда всякій порядочный Римлянинъ былъ женатъ, и обыкновенно еще въ молодости. Во время расцвѣта римской элегіи этотъ обычай казался молодежи такъ мало привлекательнымъ, что Августъ пытался возстановить его путемъ закона. Страхъ, который нагнала эта мѣра на свѣтскихъ юношей, отразился и въ элегіяхъ Проперція (II, 7), но вскорѣ приказъ былъ временно отмѣненъ. Однако Августъ, наконецъ, до нѣкоторой степени добился своего, и напр. послѣдній элегикъ, Овидій, былъ женатъ даже три раза. Если, какъ и слѣдуетъ думать, главной причиною отвращенія тогдашнихъ Римлянъ отъ женитьбы была опасность, постоянно грозившая домашнему очагу во время междоусобныхъ войнъ, то успѣхъ Августа объясняется преимущественно общимъ успокоеніемъ; но, какъ бы то ни было, совпаденіе этого частичнаго успѣха съ одной стороны и усиленіе нравственной разнузданности — съ другой съ вырожденіемъ римской элегіи въ рукахъ Овидія, а слѣдовательно и съ исчезновеніемъ вызвавшаго ее настроенія, по видимому, подтверждаетъ только-что высказанный взглядъ на значеніе обязательнаго выбора одной возлюбленной у римской молодежи 30-ыхъ и 20-ыхъ годовъ

перваго вѣка до Р. Х. Съ этимъ согласно и употребительное еще со временъ Катуллы названіе возлюбленной *domina*, перешедшее въ томъ-же смыслѣ и къ трубадурамъ (*domna, dona*), какъ, вѣроятно, называлъ хозяйку дома и ея мужъ ³⁴). Правда, такъ называлъ любовницу и Овидій, но у него это выраженіе звучить не менѣе пошло, чѣмъ теперь французское *maîtresse*, которое также значить собственно «госпожа». И онъ говоритъ какъ будто о любви къ одной,—

Покуда твоему плыть вольно кораблю,
Избрать ты долженъ ту, кому сказать „люблю“ ³⁵), —

но это уже холодно-шутливый совѣтъ опытнаго волокиты начинающему, не имѣющій даже внѣшности того увлеченія, съ которымъ римская формула объясненія въ любви произ-

³⁴) Но не рабъ, который титуловалъ ее „ега“ (барыня). По крайней мѣрѣ, такъ было въ древнѣйшую эпоху, а въ ту, о которой идетъ рѣчь, эти понятія разграничивались менѣе строго; напр. съ одной стороны Табулъ II, 4, 1:

*Hic mihi servitium video dominamque paratam:
Iam mihi, libertas illa paterna, vale*

и IV, 13, 22:

Nec fugiam notae servitium dominae,

съ другой — Катулль 68, 75 слѣд.:

nondum cum sanguine sacro

Hostia caelestis pacificasset eros,

хотя Греки и Римляне, въ противоположность христіанамъ и мусульманамъ, никогда не представляли себя рабами боговъ. Рѣдко *dominus* возлюбленный (Ов. Ам. III, 7, 11). Римскіе элегики, опредѣляя свои отношенія къ возлюбленнымъ, уже употребляютъ глаголъ *servire*, какъ въ послѣдствіи трубадуры.

³⁵) Въ подлинникѣ (*Ars I 41* слѣд.) метафора отъ колесницы, менѣе привычная намъ, чѣмъ отъ корабля (ср. „Большому кораблю большое и плаванье“). Что слова „Ты одна мнѣ нравишься“ (*Tu mihi sola places*) были формулой объясненія въ любви, показано Христіаномъ Геймрейхомъ

носилаь при своемъ появленіи. Разумѣется, и у предшественниковъ Овидія принять все за чистую монету было бы наивно; но всѣ эти виѣшнія проявленія любви въ ихъ стихотвореніяхъ несомѣнно живѣе и потому, очевидно, ближе къ источнику, т. е. къ соотвѣтственному настроенію. Пусть они не считали для себя обязательными свои заявленія о вѣрности до могилы ³⁶⁾, пусть упоминали смерть отъ любви только для красоты слога ³⁷⁾, пусть прославленіемъ возлюбленныхъ прославляли въ сущности себя ³⁸⁾, пусть не находили въ нихъ разнообразныхъ прелестей, которымъ слагали восторженные хвалы ³⁹⁾, пусть и вдох-

въ диссертациі Quæstiones Propertianæ (Bonniæ 1863) p. 55, гдѣ приведены Tib. IV, 13, 3, Prop. II, 7, 19 и Ov. A. I, 42. И такъ первый примѣръ у Тибулла. Говорили впрочемъ и просто „amo“ (Prop. II, 8, 12).

³⁶⁾ Tib. I, 1, 59 sq.; 6, 85 sq.; Prop. I, 6, 27 sq.; 12, 20; II, 6, 41 sq.; 13 (II 5), 17 sqq.; 20 (III 13), 15—18; 21 (III 14), 19 sq.; 24 (III 19), 17—22 и 35 sq.; 25 (III 20), 9 sq.; III (IV), 6 (7), 30; 14 (15), 46.

О своей непоколебимой вѣрности вообще, безъ опредѣленія срока Тибуллъ и особенно Проперцій говорятъ нерѣдко и внушительно, не доходя, впрочемъ, до того предѣла, передъ которымъ не остановился трубадуръ Guillems de Cabestanh:

S' ieu per crezensa	Estes vas Dieu tan fis,
Vius ses falhensa	Entrer' en paradis („Lo dous cossire“) =
Когда бъ я Богу	Былъ вѣрный рабъ такой,
И въ рай дорогу	Узналъ бы и живой.

Еще смѣлѣе Peire Vidal въ концѣ стихотворенія „En una terr' estranha“.

³⁷⁾ Prop. II, 1, 47; 78; 8, 17 sqq.; 9, 37 sqq.; 14 (III 6), 31 sq. Такъ и трубадуръ Rambautz d'Orange заявляеть, что не можетъ умереть болѣе благородной смертью, чѣмъ если умереть отъ тоски по дамѣ сердца (qu' a gensor mort non puese morir, si muer per deziriers de vos — въ пѣснѣ съ прозой „Escoutatz, mas no sai que s' es“).

³⁸⁾ Prop. II, 25 (III 20), 1 sq.; 34 (III 32), 93 sq.; III (IV), 1, 55 (2, 15); угроза отказомъ отъ прославленія II 11 (III 2). Трубадуры очень заботились о славѣ своихъ дамъ.

³⁹⁾ Prop. I, 2, 27—30; II 2; 5, 28; 12 (III 3), 23 sq.; 26 (III 21), 13—

повеніемъ были обязаны не имъ ⁴⁰⁾, пусть не вѣрили въ свою неприкосновенность, даруемую имъ богами, какъ признаннымъ свыше служителямъ любви ⁴¹⁾,— пусть всѣ эти порывы были не болѣе, чѣмъ условными реторическими

16; 28, 49 sq. (III, 26, 3 sq.); 29 (III 27), 25—30; III (IV), 10 (9) 17. Другіе образчики изъ Проперція будутъ приведены ниже въ переводѣ. Любопытно сопоставить эти мѣста съ описаніемъ тѣлесныхъ и духовныхъ прелестей красавицы въ посланіи Арнальда Маруэльскаго (Arnautz de Marueilh) „Dona genser que no sai dir“ ст. 31—41 и 88—105, гдѣ, впрочемъ, поэтъ входитъ въ подробности, напоминающія болѣе персидскую поэзію, чѣмъ классическую. Еще болѣе отзываются Востокомъ опредѣленія всей особы этой дамы посредствомъ сравненій въ ст. 187—197. Но въ общемъ это посланіе относится къ одному литературному роду съ эротической элегіей древнихъ. Впрочемъ, и къ этому накопленію сравненій есть въ классической поэзіи мѣсто, до нѣкоторой степени параллельное,—вѣнчаніе Галатеи Полифемомъ у Теокрыта (II, 20—21), особенно въ подражаніи Овидія (Met. XIII 789—807).

⁴⁰⁾ Prop. II, 1, 3—4; 30 (II 29), 40. Трубадуръ Peire Rogier начинаетъ одно стихотвореніе такъ:

Ges en bon vers non puese falhir
A l' ora que de mi dons chan:
Consi poiria ren maldir?
Qu' om non es tan mal ensenhatz,
Si parl' ab leis un mot o dos,
Que, s' es vilas, non torn cortes.
Per que sapchatz ben que vers es,
Que-l ben qu' ieu dic tot ai de leis ==
Мой стихъ не можетъ дурень быть,
Когда я милую пою:
Какъ могъ бы въ чемъ я погрѣшить?
Такого неуча вѣдь нѣтъ,
Чтобъ, съ ней сказавъ лишь слова два,
Не сталъ изыщентъ, хоть простака.
Повѣрьте мнѣ, что это такъ:
Искусствомъ я обязанъ ей.

Ср. Peire Vidal „Ab l' alen tir vas mi l' aire“ и др.

⁴¹⁾ Tib. I, 2, 25—30; Prop. III (IV), 15 (16), 11—20. Ср. De amantis persona sacrosancta Филол. Обзор. VI 137.

пріемами: но вѣдь всякая условность восходить такъ или иначе къ дѣйствительности. На это возразятъ, что этой доли дѣйствительности слѣдуетъ искать въ Греціи, откуда элегія занесена въ Римъ. Справедливо; но будь эта условность ничѣмъ не связана со своей новой почвой, она не принялась бы на ней и ужъ во всякомъ случаѣ не принесла бы такихъ плодовъ, которые, хотя сохранили слѣды прививки, однако обнаруживаютъ несомнѣнные признаки вліянія своей второй родины: какъ бы ни была близка римская элегія къ своему первообразу (чего мы рѣшить не можемъ), тѣмъ не менѣе развѣ Тибуллъ или Проперцій не выдаютъ своего латинскаго происхожденія чуть не на каждомъ шагѣ? Но что въ особенности знаменательно—Овидій, въ которомъ римскія черты выступаютъ слабѣе, нежели даже у Проперція, не только у Тибулла, — этотъ истый питомецъ всесвѣтнаго города, удержавъ старательно всѣ условныя формы прежней или, вѣрнѣе, еще современной ему элегіи, утратилъ именно то общечеловѣческое содержаніе, которое проглядываетъ изъ-за реторики предшественниковъ. Слѣдовательно при нихъ вѣяло въ общественной атмосферѣ чѣмъ-то такимъ, что ко времени его вступленія на ихъ путь уже успѣло выдохнуться.

Отцемъ римской элегіи считается Корнелій Галлъ, погибшій отъ собственной руки (но не изъ-за любви) въ 27 г. Его произведенія не дошли до насъ, но зависимость его элегіи отъ александрійской усматривается уже изъ того, что онъ, говорятъ, даже переводилъ Эвфоріона. Предметомъ его любви и поэзіи была Ликорида (Lycoris), называвшаяся въ дѣйствительности Кіоеридой (Cytheris), — вѣроятно, гречанка. Еще меньше мы знаемъ объ элегикѣ, но также эпикѣ и сатирикѣ Варронѣ изъ Атака (Atax въ Нарбонской Галліи) и объ его Левкадіи.

За то намъ хорошо извѣстны произведенія Альбія Тибулла, который считается классическимъ представителемъ элегіи. Этой честью онъ обязанъ не столько своему дарованію, которое было не изъ первостепенныхъ, сколько равномерности въ обладаніи достоинствами, которыя были свойственны его творчеству, и равновѣсіемъ своей духовной природы, наложившимъ на его произведенія печать изящнаго спокойствія, составляющаго отличительную черту древняго художества вообще. Другая внѣшняя черта классическаго искусства, неразрывно связанная съ этимъ впечатлѣніемъ покоя,—форма, выработанная такъ и настолько, чтобы ни одна частность досадно не развлекала зрителя или читателя—также соблюдается Тибулломъ, котораго и языкъ и реторика и метрика заслуживаютъ всякой похвалы. Тибуллъ былъ человѣкъ очень неглухой,—можетъ быть, даже умный, но его умъ никогда не выдается изъ-за другихъ сторонъ его существа съ такою яркостью, чтобы обратить на себя вниманіе читателя. Онъ не только не былъ безчувственъ, но чувство даже составляло необходимое условіе его жизни, по крайней мѣрѣ, въ возрастѣ между 20 и 30 годами, къ которому, повидимому, относятся его элегіи; однако его чувство не было порывисто или страстно, и плохо вѣрится въ его страданія отъ любви, описаніе которыхъ какъ-то противорѣчитъ общему тону его стихотвореній. Онъ былъ образованъ, но нигдѣ не выставляетъ своихъ познаній на показъ, чѣмъ рѣзко отличается отъ Александрійцевъ и ихъ вѣрныхъ послѣдователей изъ Римлянъ. Онъ любилъ покойную и удобную жизнь, но былъ равнодушенъ къ роскоши. Онъ былъ патріотъ въ томъ смыслѣ, что былъ привязанъ къ родной землѣ, къ родной обстановкѣ, къ роднымъ обычаямъ, но у него не было ничего похожаго на патріотическую кичливость,

довольно распространенную среди его соотечественников. И внѣшнимъ образомъ онъ занималъ какъ-бы среднее положеніе: онъ не былъ ни богатъ, ни бѣденъ, по происхожденію ни аристократъ, ни плебей, принадлежалъ къ кружку Месаллы Корвина, выдающагося вельможи и сановника, но не близкаго ко двору, какъ другой литературный центръ, Меценатъ. Въ политическомъ отношеніи онъ былъ однимъ изъ тѣхъ многихъ (родившихся по большей части послѣ перваго триумvirата), которымъ было мало дѣла до положенія государства, только бы господствовалъ миръ. Этимъ миролюбіемъ отчасти, можетъ быть, объясняется у Тибулла и его рѣшительное нерасположеніе къ богатству, которое пріобрѣталось тогда всего легче и скорѣе путемъ военнаго грабежа и земельныхъ надѣловъ, раздаваемыхъ воинамъ по окончаніи большихъ походовъ. На тѣсную связь между войной и обогащеніемъ Тибуллъ особенно ясно указываетъ въ рѣзкой выходкѣ противъ стремленія къ добычѣ въ третьей элегій второй книги (ст. 35—46). Въ жизни онъ заботился болѣе всего о независимомъ покоѣ, по возможности пріятномъ, а условіями этой пріятности были въ его глазахъ частое и долгое пребываніе въ своей деревнѣ и любовь. Какъ идеалы Тибулла, такъ и особенности его творчества выразились очень ясно и полно въ первой элегій, служащей, очевидно, общимъ введеніемъ къ первой книгѣ.

Пусть иной, любя наживу,
Грудой золото гребетъ
И поля, за нивой ниву,
Безъ конца подъ сѣвъ беретъ;

Но за то онъ страхъ и муки
Терпитъ жизни боевой,
И трубы военной звуки
Гонять съ глазъ его покой.

Мнѣ милѣй мой бытъ смиренный
Безъ хлопотъ и передрагъ,
Лишь пылалъ бы неизмѣнно
Яркимъ свѣтомъ мой очагъ.

Самому садить отрада
Мнѣ искусною рукой
Въ пору лозы винограда
И деревъ плодовыхъ строй.

И не даромъ жду отъ почвы,
Что мнѣ каждый годъ она
Всякій плодъ подастъ и ночью
Еще мутнаго вина.

И склоняюсь поневолѣ,
Лишь завижу гдѣ вѣнокъ,
На столбѣ ли, врытомъ въ полѣ,
Иль на камнѣ межъ дорогъ.

И всего, что здѣсь владѣльцу
Порождаетъ новый годъ,
Въ жертву богу-земледѣльцу
Ставлю часть за каждый родъ.

Жатвы русал богиня!
Вотъ вѣнокъ съ моихъ полей,
Чтобы онъ, какъ благостыня,
У твоихъ висѣлъ дверей.

Пусть Пріанъ стоитъ багровый,
Сторожа мои сады,
И косою своей суровой
Бережетъ отъ птицъ плоды.

Встарь богатаго имѣнья,
Нынѣ скуднаго покровъ,
Вамъ, о Лары, безъ сомнѣнья
Должный даръ всегда готовъ.

За стада быковъ телица
Приносилаъ той порой,
А теперь моя земляца
Шлетъ овечку на убой.

Такъ, овечку въ даръ посильный
Вамъ заколетъ селянинъ
Съ крикомъ: „Дайте намъ обильный
Урожай хлѣбовъ и винъ!“.

Надѣленъ достаткомъ скромнымъ,
Предпочту хоть нужду я,
Чѣмъ скитальцемъ жить бездомнымъ,
Рыща въ дальніе края.

Лучше лѣтомъ въ пору зноя,
Удалюсь подъ сѣнь вѣтвей,
Въ холоды искать покоя,
Гдѣ, журча, бѣжитъ ручей.

Мнѣ не стыдно на досугъ
Въ руки взять овцы приплодъ
И воловъ, бредущихъ въ плугъ,
Ускорить стреломъ ходъ,

И овечку или козленка,
Маткой брошенныхъ шальной,
Мнѣ не трудно, какъ ребенка,
На груди снести домой.

Стаду малому—пощада!
Васъ прошу я, волкъ и воръ:
Многочисленное стадо
Пусть и платитъ вамъ поборъ.

Каждый годъ благословляю
Здѣсь я пастыря съ мольбой
И Палѣю⁴²⁾ окропляю
Молокомъ, чтобъ былъ покой.

Не отвергните моленій
Вы, о боги, и даровъ
Со стола безъ украшеній
И изъ глиняныхъ горшковъ.

⁴²⁾ Богиня скотоводства.

Изъ посуды лишь гончарной
Поселянинъ древле пилъ;
Онъ изъ глины благодарной
Кубки первые лѣпилъ.

Ни отецъ удѣлъ богатый
Мнѣ не милъ, ни тотъ ужинъ,
Что мой дѣдъ собиралъ когда-то
По работѣ въ свой овинъ.

Мнѣ довольно жатвы малой,
Мнѣ довольно, если спать
Мирно лягу я усталый
На привычную кровать.

Какъ пріятно вихрь и вьюгу,
Лежа, слушать за стѣною
И дремать, прижавъ подругу
Къ груди нѣжною рукою,

Иль, когда вослѣдъ морозамъ
Съ юга ливень грянетъ вдругъ,
Предаваться сладко грезамъ
Подъ дождя сонливый стукъ!

Вотъ и все, что сердце просить.
Тотъ богатствомъ и владѣй,
Моря гнѣвъ кто бодро сносить
И унылый мракъ дождей.

Лучше злату въ мірѣ сгинуть
И каменьямъ дорогимъ,
Чѣмъ въ слезахъ рѣшусь я кинуть
Ту, которой я любимъ.

Ты, Мессалла, призванъ къ бою
И на сушѣ и средь водъ,
Чтобы вражеской броней
Былъ къ тебѣ украшенъ входъ;

А меня, красой чаруя,
Держить милая въ цѣняхъ,
И привратникомъ сажу я
При безчувственныхъ дверяхъ.

Что мнѣ, Делія, до славы?
 Я съ тобой не разлучусь,
 И враги пусть будутъ правы,
 Что лѣннivecъ я и трусь.

На тебя хочу взирать я,
 Какъ конецъ настанетъ мой,
 И привлечь тебя въ объятья
 Коченѣющей рукой.

Будешь плакать на прощанье,
 На кострѣ мой види прахъ,
 И, рыдая, дашь лобзанье,
 Омоченное въ слезахъ.

Будешь плакать: не обита
 У тебя желѣзомъ грудь,
 Сердце въ ней—не изъ гранита,
 И въ него не замкнуть путь.

Дѣва-ль, юноша-ль случится
 На моихъ похоронахъ,
 Ни одинъ не возвратится
 Безъ слезинокъ на глазахъ.

Ты, чтобъ тщетною тревогой
 Духъ мой мучиться не могъ,
 Кось распушенныхъ не трогай,
 Не парай пѣжныхъ щекъ.

Между тѣмъ, пока не поздно,
 Будемъ чтить любви призывъ.
 Смерть въ свой часъ подступитъ грозно,
 Мракомъ голову закрывъ.

Возрастъ крадется безсильный,
 И тогда любовь смѣшна,
 Страненъ рѣчи складъ умильный,
 Какъ проглотить сѣдина.

Должно вѣтреной Венерѣ
 Дань платить, пока подѣ статъ
 Къ дѣвамъ вламываться въ двери,
 Шумъ и драки затѣвать.

Здѣсь я вождь и воинъ рыный,
Но безъ трубъ и безъ знаменъ.

Пусть при нихъ добьется раны,
Кто корыстью увлеченъ,

Пусть добьется и надѣла.

И когда сберу плоды,
До богатства нѣтъ мнѣ дѣла,
Дѣла нѣтъ и до нужды.

И такъ безъ любви обстановка, о которой мечтаетъ Тибуллъ, неполна, — неполна тѣмъ болѣе, что въ его идеалахъ видное мѣсто занимаетъ элементъ идиллическій. Для привлеченія Деліи къ себѣ Тибуллъ употреблялъ средства, опять-таки заставляющія предполагать реальную подкладку того романа, который отразился въ его элегіяхъ: уговаривая Делію быть ему вѣрной, онъ запугиваетъ ее гнѣвомъ боговъ и разными созданіями суевѣрнаго воображенія (I, 2, 33—64; 2, 67—82; 5, 49—58; 6, 43—56), такъ какъ она была религіозна и, что у Римлянъ почти то-же, суевѣрна (I, 3, 9—12 и 23—32); онъ ссылается на расположеніе къ нему ея матери, которую тутъ-же ублажаетъ еще болѣе (I, 6, 57—66); въ виду частыхъ измѣнъ Деліи онъ изображаетъ передъ ней печальную старость женщины, которая никому не была вѣрна (тамъ-же 77—84). Эти индивидуальныя черты еще болѣе кажутся истинными, когда мы сравнимъ ихъ съ тѣми, которыя выступаютъ въ убѣжденіяхъ, обращенныхъ къ другой возлюбленной, Немезидѣ. Эта особа, корыстолюбивая и холодная, была, очевидно, въ своемъ родѣ *esprit-fort*. И вотъ Тибуллъ лишь однажды пытается подѣйствовать на нее суевѣрнымъ страхомъ, указывая на возможность появленія ей ея покойной сестры въ сновидѣніи, но главная сила этого аргумента состоитъ въ дѣйствіи на родственное чувство Немезиды и

на ея нервы (II, 6, 29—40). Онъ старается пробудить въ ней безпокойство за предстоящую ей участь картинами похоронъ женщинъ жадной и безкорыстной (II, 4, 43—50). Онъ льститъ ея самолюбію своимъ расчетомъ на ея чувствительность къ поэзіи, тщетность котораго признаетъ, впрочемъ, тутъ-же (тамъ-же 13—20). Къ тому-же клонится высказанный среди жалобъ комплиментъ ея «небесной» красотѣ (тамъ-же 35) и выраженіе готовности проглотить въ угоду Немезидѣ всякія зелья, въ томъ числѣ—прямо отвратительныя—странная мысль, напоминающая самыя нелѣпыя крайности рыцарскаго *Frauendienst*. Вообще любовь Тибулла къ Немезидѣ отличается отъ его любви къ Деліи большей восторженностью или страстностью, что зависѣло, можетъ быть, отъ большей красоты Немезиды или отъ ея большей культурности и опытности въ дѣлѣ кокетства. Потому едва-ли случайность, что Деліи Тибуллъ измѣнялъ, какъ видно изъ элегій 4, 8 и 9 первой книги, а во второй всѣ эротическія элегіи относятся къ одной Немезидѣ.

Подъ именемъ Тибулла дошло до насъ еще двѣ книги стихотвореній въ элегической формѣ кромѣ панегирика Мессаллы (IV, 1), писаннаго одними гексаметрами; но несомнѣнно, что далеко не весь этотъ сборникъ принадлежитъ Тибуллу. Безспорно другой поэтъ скрывается подъ именемъ Лигдама, изъ произведеній котораго состоитъ вся третья книга. Онъ—ровесникъ Овидія, и его элегіи точно такъ-же производятъ впечатлѣніе чисто-литературныхъ опытовъ. Но направленіе у него иное, отчасти вслѣдствіе личныхъ его свойствъ, такъ какъ онъ былъ человѣкъ болѣе степенный и несравненно менѣе живой и остроумный, чѣмъ Овидій, отчасти въ зависимости отъ образцовъ, поощраженіе которымъ замѣняло ему собственное вдохновеніе.

читая его, вспоминаешь то Катулла, то Вергилия, то Проперция, но чаще всего—Тибулла, вѣроятно, каноническаго эротика въ Мессаллиномъ кружкѣ, стихотворенія изъ котораго и составили собою сборникъ, сохранившійся подъ именемъ одного Тибулла. Если бы не были утрачены элегии Галла, Лигдамъ могъ бы оказаться стихотворцемъ, еще менѣе самостоятельнымъ, чѣмъ онъ кажется намъ теперь. Онъ воспѣваетъ нѣкую Неэру, къ которой будто-бы пылаетъ самую возвышенною любовью. Вслѣдъ за Катулломъ, сравнившимъ свое чувство къ Лезбii съ чувствомъ отца къ сыновьямъ и зятьямъ, онъ говоритъ, съ не совсѣмъ понятной замѣной пола, что Неэра ему дороже, чѣмъ матери дочь и—что уже плохо согласуется съ такимъ безкорыстнымъ отношеніемъ—чѣмъ красивая дѣвушка влюбленному мужчинѣ (4, 51 слѣд.). Посылая ей, вѣроятно, послѣ размолвки, книжку своихъ стиховъ, онъ велитъ передать ей, «чистой Неэрѣ», что этотъ скромный даръ подносить ей тотъ, кто былъ прежде ея мужемъ, а теперь—братъ, и что онъ готовъ любить ея больше самого себя, будетъ ли она ему женой или сестрой, хотя онъ предпочитаетъ, чтобы она была женой (1, 23—26). Все это, разумѣется, искусственно, но для характеристики понятій о любви, лежавшихъ въ основѣ римской элегіи, эти ходульные объясненія въ пылкой, но почтительной страсти имѣютъ тѣмъ большее значеніе, что выражаемое ими чувство является передъ нами лишеннымъ индивидуальности, въ видѣ почти схематическомъ. Тибуллу въ этомъ сборникѣ могутъ принадлежать, помимо панегирика, очевидно, юношескаго произведенія, еще короткая, но превосходная элегія IV 13 (съ именемъ Тибулла въ ст. 13), эротическая эпиграмма 14 и пять короткихъ стихотвореній, отъ 20 до 26 стиховъ (2—6), посвящен-

ныхъ восхваленію Сульпиціи, которая, впрочемъ, въ нихъ не названа, и изображенію ея любви къ Керинѳу, при чемъ поэтъ говоритъ отчасти отъ ея лица. Стихотворенія 7—12, еще болѣе короткія, отъ 4 до 10 стиховъ, написаны, по видимому, самой Сульпиціей. Изъ нихъ видно, что она была довольно знатнаго рода и пользовалась дружескимъ расположеніемъ Мессаллы. Всѣ относящіеся къ ней стихотворенія, какъ сочиненныя для нея, такъ и ея, показываютъ, что любовь была сильнѣе съ ея стороны, чѣмъ со стороны Керинѳа (т. е., можетъ быть, Корнута, къ которому Тибуллъ обращается во второй и третьей элегіяхъ второй книги): похоже на то, что эта эманципированная барышня нѣсколько навязывалась избраннику своего сердца, не только не избѣгая скандала, но какъ-бы хвастаясь близостью своихъ отношеній съ любимымъ человѣкомъ (3, 15 слѣд., 7, 1 слѣд. и 9 слѣд.). Зато, судя по нѣсколько темному ея стихотворенію 10, онъ мало уважалъ ее ⁴³).

Другой крупный представитель римской элегии—Секстъ Проперцій. По свидѣтельству Квинтилиана (X, 1, 93), нѣкоторые ставили Проперція выше Тибулла, и съ этой оцѣнкой былъ согласенъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ латинской поэзіи, покойный Л. Мюллеръ. Если что помѣшало Проперцію занять безспорно первое мѣсто среди римскихъ элегиковъ, такъ это недостатокъ въ томъ, за что Квинтилианъ предпочиталъ Тибулла: Проперцій или не считалъ нужнымъ или не умѣлъ доводить внѣшнюю форму до возможнаго совершенства и какъ въ языкѣ,

⁴³) Неизвѣстно, достигла ли цѣли Beatrix de Dia своимъ посланіемъ къ охладѣвшему возлюбленному („A chanter m' es d' aïssio qu' ieu non deuria“), но нельзя не признать, что эта провенсальская Сульпиція выражала свои чувства менѣе откровенно и болѣе благородно, чѣмъ римская.

такъ и въ содержаніи иногда грѣшилъ противъ условій единства впечатлѣнія. Не будучи чуждъ напыщенности, онъ не замѣчалъ однако того, что у него среди риторически запутаннаго, вычурнаго оборота прорываются простонародныя выраженія; отличаясь чисто южной страстностью, тѣмъ не менѣе онъ рѣзко переходитъ отъ самыхъ горячихъ изліяній любви или негодованія къ примѣрамъ изъ мифологіи, иногда озадачивающимъ даже свѣдущаго читателя незнакомыми именами и преданіями ⁽¹⁾. Въ этомъ отношеніи онъ былъ вѣрнымъ послѣдователемъ Александрийцевъ, особенно, какъ онъ заявляетъ самъ, Филета и Каллимаха, но вообще онъ производитъ впечатлѣніе человека, не получившаго правильнаго образованія и усвоившаго себѣ свою условную ученость по большей части собственными силами. На это предположеніе наводитъ и похвальба своими познаніями и своими научными занятіями, свойственная ему въ большей степени, нежели другимъ приверженцамъ александрійскаго направленія между Римлянами. Но, допуская въ Проперціи всѣ эти недостатки, все-таки нельзя не согласиться съ тѣмъ, что Проперцій принадлежитъ къ числу самыхъ даровитыхъ изъ римскихъ поэтовъ. Кромѣ живости и яркости колорита, зависящихъ отъ его темперамента, онъ обнаруживаетъ и замѣчательную разносторонность творческихъ

⁽¹⁾ И трубадуры не чуждались учености этого рода въ своихъ эротическихъ произведеніяхъ, на сколько она была имъ доступна; напр. Арнальдъ Марузельскій въ томъ посланіи, о которомъ сказано въ примѣч. 39, перечисляетъ десять знаменитыхъ женщинъ изъ древней мифологіи и изъ средневѣковыхъ поэмъ и романовъ, между прочимъ Антигону съ Исменой между Еленой и Изольдой (ст. 159—163). „Она бѣлѣе, чѣмъ Елена“ (*Plus blanche es que Elena*), говоритъ онъ-же въ превосходной третьей строфѣ стихотворенія „*Ben m'es quant lo vens m'alena*“, посвященной также описанію дамы сердца. Ср. Arnautz de Carcasses въ новеллѣ о попугаѣ и др.

силъ: онъ то страстенъ, то нѣженъ, то самонадѣянно-весель, то уныль, то субъективенъ до такой степени, что не видитъ ничего кромѣ своего чувства, то проникнуть чужимъ настроеніемъ почти до полного исчезновенія собственной личности (не только въ четвертой книгѣ, иначе пятой, по дѣленію Лахманна, но напр. и въ I 16, 20 и 21, IV 6, 11, 17 и 22), и рядомъ съ мастерствомъ въ изображеніи чувства и въ лирической рефлексіи онъ обладалъ способностью къ повѣствованію и къ сатирѣ; напр., какъ замѣтилъ Пели (Paley), V, 8, 23—26 сильно напоминаетъ тонъ Ювенала. Что касается любви, то она составляла какъ-бы средоточіе его духовной жизни, по крайней мѣрѣ, пока продолжались его отношенія къ Кинейи. Несомнѣнно, что до того времени, когда Проперцій занялся поэтической обработкой отечественныхъ преданій, однимъ изъ главныхъ его интересовъ, если не прямо главнымъ, были женщины, но не въ качествѣ простого развлеченія, какъ на нихъ смотрѣлъ Овидій, а въ смыслѣ живыхъ носительницъ изящества и поэзіи. О своей любви къ женщинамъ вообще онъ говорилъ въ II 22 (III 15). Правда, въ другомъ мѣстѣ—II 25 (III 20), 39—48—онъ не одобряетъ мимолетной любви ко многимъ, но съ точки зрѣнія спокойствія. Если бы со своимъ отношеніемъ къ женщинамъ онъ соединялъ вѣру въ возможность воплощенія совершенства въ человѣкѣ, онъ сдѣлался бы тѣмъ неустаннымъ охотникомъ за идеальной женщиной, какимъ изобразилъ Донъ-Жуана Альфредъ де-Мюссе въ *Namouna*, а за нимъ—графъ А. Толстой. Но у Проперція, какъ и вообще у древнихъ, этой вѣры не было, и потому, послѣ нѣсколькихъ и, вѣроятно, довольно многочисленныхъ опытовъ, удовлетворявшихъ его на короткое время, онъ остановилъ свой выборъ на Кинейи, какъ на особѣ, соотвѣт-

ствовавшей наиболѣе его вкусамъ и понятіямъ о томъ, что Гёте называетъ «вѣчно-женскимъ» (das ewig weibliche). Кто была эта Кинѳія (т. е., какъ было уже сказано, Гостія), мы не знаемъ, но во всякомъ случаѣ она была женщиной не заурядной, если Проперцій, человѣкъ, какъ мы увидимъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ взыскательный, могъ «служить» ей, какъ онъ самъ выражается III (IV), 25, 3, цѣлыхъ пять лѣтъ. Тутъ-же онъ прибавляетъ нарѣчіе «вѣрно» (fideliter); но, какъ видно изъ другихъ его элегій, эта вѣрность была весьма относительна, на что впрочемъ ему давала право другая сторона своими измѣнами. По его собственному свидѣтельству въ первой элегій его Monobiblos («единокнижія», въ послѣдствіи—первой книги)⁴⁵⁾, Кинѳія удивила его сначала своею недоступностью, произведшей на него тѣмъ сильнѣйшее впечатлѣніе, что прежнія легкія побѣды вселили въ него пренебрежительную самоувѣренность, къ которой онъ былъ склоненъ и помимо этой области. Неудача въ первыхъ покушеніяхъ на сердце Кинѳіи разомъ уничтожила его вѣру въ свою неотразимость, и чѣмъ неожиданнѣе было для него это открытіе, тѣмъ сильнѣе образъ гордой красавицы запечатлѣлся въ его воображеніи. Предавъ проклятію «нравственныхъ» женщинъ, какъ въ послѣдствіи, послѣ одной изъ ссоръ съ Кинѳіей, онъ отказывался и вообще отъ трудно доступныхъ—о чемъ онъ говоритъ въ II 23 (III 17) и въ слѣдующей,—онъ искалъ забвенія въ мелкихъ похожденияхъ, но забвеніе не пришло, и онъ возвратился къ Кинѳіи уже смиреннымъ искателемъ ея расположенія. Чѣмъ она такъ привязала къ себѣ Проперція? Конечно, не од-

⁴⁵⁾ Что первая книга появилась отдѣльно и лишь позже была соединена съ послѣдовавшими за ней, убѣдительно доказано Виртомъ (Das antike Buchwesen S. 413 слѣд.).

ной недоступностью, потому что очарованіе, произведенное такимъ пріемомъ, очень непрочно, каково бы ни было разрѣшеніе первоначальной холодности. Проперцій былъ прежде всего любитель изящнаго, въ чемъ бы оно ни проявлялось. Потому онъ высоко цѣнилъ искусство,—по крайней мѣрѣ, скульптуру, живопись и архитектуру. Однажды, направляясь въ условленное время къ Клитеи, онъ проходилъ мимо только-что открытаго для публики храма Аполлона на Палатинскомъ холмѣ и не могъ противиться искушенію, которое представила ему красота новаго сооруженія.

II 31 (III 29) ⁴⁶).

Ты хочешь отъ меня узнать, зачѣмъ ускорень
Свиданья мигъ съ тобой, какъ прежде, быть не могъ.
По волѣ Кесаря великаго отворень
Былъ Фебовъ золотомъ украшенный чертогъ.

Такъ былъ онъ величавъ ⁴⁷). Вокругъ двора, сверкая,
Столпы пунійскіе ⁴⁸) тянулись чередой;
Межъ ними дочери маститаго Даная
Всѣ, сколько ни было, стояли по одной.

И Фебъ, который здѣсь, во мраморномъ кумирѣ,
По мнѣ, прекраснѣе, чѣмъ настоящій, былъ,
Перстами на пѣмой перебирая лирѣ,
Уста для пѣнія неслышнаго открылъ.

⁴⁶) Въ этомъ переводѣ подлинникъ нѣсколько распространенъ ради ясности и выразительности, потому что иначе онъ не производилъ бы должнаго впечатлѣнія на нынѣшняго читателя не филолога, далекаго отъ того круга понятій, въ которомъ вращается это стихотвореніе.

⁴⁷) Переведено по догадкѣ Фалена Tanta вмѣсто Tota.

⁴⁸) Карфагенскіе, т. е. изъ африканскаго мрамора.

У жертвенника скотъ Мироновскаго стада ⁴⁹⁾,
Четыре по угламъ стоящіе быка,
Очарованіе обманутаго взгляда,
Которымъ жизнь дала художника рука.

Въ срединѣ самый храмъ вздымался мѣрно къ небу,
Красуясь мрамора блестящей бѣлизной,
Святылище, что стать уже успѣло Фебу
Дороже и милѣй Ортігін ⁵⁰⁾ родной.

А выше, надъ князькомъ, на колесницѣ стоя,
Виднѣлся дневнаго свѣтила властелинъ;
А дверь сверхъ бѣлаго слоновой кости слоя
Рѣзбой къ себѣ влекла обѣихъ половицъ.

Одна въ торжественныхъ чертахъ изображала,
Какъ Галлы свержены съ Парнаасской высоты,
А та, печальная,—какъ смотритъ дочь Тантала
На смерть дѣтей отъ стрѣлъ божественной четы ⁵¹⁾.

А далѣ, въ глубинѣ, межъ матерью стоящій
И межъ сестрою, тотъ, кому воздвигнутъ храмъ,
Одежду по землѣ широкую влачащій,
Онъ самъ, Пнейскій богъ, бряцаетъ по струнамъ.

Пусть обращеніе къ Кинѳіи въ этой элегій будетъ только литературнымъ приѣмомъ эротическаго поэта, какъ думаетъ Ротштейнъ,—все равно: любовь Проперція къ образовательнымъ искусствамъ нашла себѣ здѣсь яркое выраженіе. Наружностью Кинѳіа, очевидно, также удовлетворяла его эстетическимъ требованіямъ, какъ изящная статуя или картина, къ которымъ онъ приравниваетъ свою возлюбленную, рассматривая ее безъ помѣхи во время сна.

⁴⁹⁾ Т. е. изваянія, не изготовленные самимъ Мирономъ, но напоминающія его содержаніемъ и достоинствомъ исполненія.

⁵⁰⁾ Острова Делоса.

⁵¹⁾ Такая рѣзкая противоположность въ описаніи изображеній Галлозъ и Ніобы съ дѣтьми принадлежитъ Проперцію лишь въ томъ случаѣ, если онъ въ самомъ дѣлѣ употребилъ *maerebat*, а не *monstrabat* или нѣчто подобное.

I 3.

Какъ Кносянка ⁵²⁾, когда корабль ушелъ Осея,
 Лежала томная на берегу пустомъ,
 Какъ на твердую скаль склонилась дочь Кефея ⁵³⁾,
 По избавленіи забывшись первымъ сномъ,

Иль какъ плясавшая съ лихимъ Вакханокъ ~~х~~фромъ
 Эдонка ⁵⁴⁾ спить, упавъ на Апидаискій лугъ,
 Такимъ-же Кинеія объятая покоемъ
 Дремала, съ головой межъ зыблущихся рукъ,

Когда я съ пира шелъ невѣрною стопою,
 И свѣточі рабы несли передо мною.

Лишенный памяти тогда еще не всей,
 Хотѣлъ неслышно я взойти на ложе къ ней.

Хоть бурно властію внушали мнѣ двойною
 Здѣсь Либерь ⁵⁵⁾, тамъ Амуръ, суровая чета,
 Поддѣтою слегка обнять ее рукою
 И, за ланиты взявъ, поцѣловать въ уста ⁵⁶⁾,

⁵²⁾ Ариадна, покинутая Осеемъ во время сна; Кносъ — городъ на островѣ Критѣ.

⁵³⁾ Андромеда, привязанная къ скалѣ на съѣденіе морскому чудовищу, но спасенная Персеемъ.

⁵⁴⁾ Эдоны — народъ во Фракіи, откуда поклоненіе Вакху перешло въ Грецію.

⁵⁵⁾ Вакхъ.

⁵⁶⁾ Въ переводѣ передана поправка Гронова ad ora. О такомъ поцѣлуѣ говорить не только Апулей Met. VI p. 180, но, по видимому, и самъ Проперцій I, 20, 27. Защитники рукописнаго et arma, которому трудно придать смыслъ не циническій, забываютъ, 1) что Проперцій, хоть и ein lasciver Dichter von starker Sinnlichkeit (какъ выразился, помнится, Лео), никогда не доходитъ до неприличія въ словахъ, противъ чего нельзя, конечно, сослаться на чтеніе лишь нѣкоторыхъ рукописей volutantis вмѣсто voluptatis въ II, 29 (III 27), 36; 2) что et arma приходится подъ temptare (въ подлинникѣ, можетъ быть, tētar) и передъ manu, изъ которыхъ, вѣроятно, оно и составилось отчасти путемъ зрительной ошибки, отчасти посредствомъ интерполяціи (etar+ma).

Но нарушать не смѣлъ сонъ дѣвы и любимой,
Ужъ зная, какъ она къ винамъ моимъ строга,
И взоромъ лишь въ нее впивался недвижимо,
Какъ Аргусъ въ дивныя Инаховны рога ⁵⁷⁾,

И то, со своего чела вѣнки снимая,
На лобъ, о Киноія, тебѣ я надѣвалъ,
То косами игралъ, въ прическу ихъ собирая,
То въ руки я плоды тайкомъ тебѣ давалъ

И всякіе дары слаталъ на дѣвѣ сонной,
Дары, скользившіе по груди наклоненной.

Когда же, шевелясь, ты испускала вздохъ,
Стоялъ окованный я предразсудка силою,
Что тягостный томить тебя переполохъ,
Что нудить кто-нибудь во снѣ своей быть милой.

Межъ тѣмъ предъ окнами луна свершая кругъ,
Луна, готовая продлить свои дозоры,
Ей свѣтомъ трепетнымъ открыла очи вдругъ,
И молвила она, въ рукѣ ища опоры:

„Вернулся наконецъ ты къ ложу моему,
Другою за дверьми оставленный постыдно?
Кому ты отдалъ noch, мою всю ночь, кому?
И вотъ пришелъ безъ силъ, когда ужъ звѣздъ не видно.

Такихъ, безсовѣстныхъ, достойны ты ночей,
Какія провожу изъ-за тебя я сирой.

Боролась я тканьемъ съ дремотою своею ⁵⁸⁾,
Когда устала ждать, потомъ я пѣла съ лирой,

Тихонько жалуясь, какъ жребій мой унылъ,
Что медлишь ты ко мнѣ, задержанный иною.
Но сонъ меня крыломъ отраднымъ осѣнилъ,
И послѣ долгихъ слезъ я предалась покою“.

⁵⁷⁾ Ио, которую Гера обратила въ корову и отдала подъ наблюдение многоокому Аргусу.

⁵⁸⁾ Въ подлинникѣ *purpureo stamine*; но цвѣтъ пряжи здѣсь тѣмъ менѣе существенъ, что можетъ зависѣть отъ гомеровскихъ ἢ δὲ μέγαν ἰστόν ὕφαινευ, δίπλακα πορφύρεην (Г 125), ἡλάκاتا στρωφῶσ' ἀλιπόρφυρα (Г 53) и т. п. Почти то-же содержаніе элегин II 26 (III 27).

Очень вѣроятно, что миеологическія сравненія, встрѣчающіяся въ этой элегіи, какъ и во многихъ другихъ, внушены Проперцію красотою соотвѣтственныхъ изваяній и картинъ, которыя, можетъ быть, и возбудили въ немъ охоту къ изученію миеовъ. Если это такъ, миеологическій элементъ въ его стихотвореніяхъ казался ему гораздо болѣе живымъ, нежели читателю, менѣе его знакомому со скульптурными и живописными сокровищами тогдашняго Рима. Но живому человѣку трудно довольствоваться неодушевленной или даже хотъ безмолвствующей красотой.

Камни, промолвите мнѣ! говорите, громады чертоговъ!
Улицы, дайте отвѣтъ! Геній, въ бездѣйствіи ты?
Точно, все жизнію дышетъ, о Римъ, среди вѣчной святыни
Стѣны твоихъ; лишь для меня такъ еще нѣмъ все здѣсь.
Кто мнѣ шепнетъ, у какого окна наконецъ я увижу
Милое то существо, что, сожигая, живетъ?

Такъ говорить Гёте въ «Римскихъ элегіяхъ». Проперцій думалъ такъ-же, хотя, не будучи склоненъ къ философскому самонаблюденію, не высказалъ своего мнѣнія на этотъ счетъ. Если бы Кинѳія имѣла достоинство только красивой статуи, онъ не отдался бы ей со всѣмъ пыломъ своей страстной природы и не находилъ бы въ ней постоянного источника вдохновенія. Она была надѣлена различными дарованіями, исчисленіе которыхъ находимъ въ третьей элегіи второй книги.

Не ты ли хвасталъ, что терпѣть
Ужъ отъ красавицъ впредь не будешь?
Но вотъ запутался ты въ сѣть
И о себѣ скромнѣй ужъ судишь.

Тебѣ досталася, бѣднякъ,
Едва на мѣсяцъ передышка,
И ужъ безмужства новый знакъ—
Твоя вторая зрѣть книжка.

На сушѣ можно ль рыбѣ жить,—
Такой бывалъ я занять думой,
И вѣкъ свой можете ли пробить
Въ морской пучинѣ ведръ угрюмый,

А я могу ли, сонъ забывъ,
Трудами сплосъ свой умъ тревожить?
Увы! возможно страсти взрывъ
Отсрочить, но не уничтожить.

Не такъ лицомъ плѣненъ я въ ней—
Хоть что сравнить съ его красами?
Моей возлюбленной бѣлѣй
Не могутъ лиліи быть сами;

Меотскій свѣгъ въ немъ будто споръ
Съ иберскимъ сурикомъ затѣялъ,
Иль словно розы кто уборъ
По молоку, сорвавъ, расѣялъ,—

Не косъ волнистый водопадъ,
Что мода на плечи спустила,
И не глаза меня манять,
Два огонька, мои свѣтила,

Не аравійской ткани шелкъ,
Нарядъ, встрѣчаемый повсюду —
Изъ-за него я, зналъ толкъ,
Ничьимъ поклонникомъ не буду —

Но я цѣню, что такъ она
Красиво пляшетъ за попойкой,
Какъ Аріадна въ честь вина
Въ восторгѣ хоръ водила бойкій,

И что дерзаетъ воскрешать
Мечтанья золійской дѣвы ⁴⁹⁾,
Струнамъ искусная внушать
Богинь достойные напѣвы,

⁴⁹⁾ Сафо, которой Кинейя подражала.

И что въ поэзіи себя
Сличаетъ съ древнею Коринной
И, пѣсень даръ въ себѣ любя,
Пѣвицей брезгуешь старинной ⁶⁰).

Когда явилась ты на свѣтъ,
Ужъ не принесъ ли, дорогая,
Амуръ младенцу свой привѣтъ,
Тебѣ во здравіе чихая?

Такія блага даровать
Тебѣ могла боговъ лишь сила;
Оставь и мысль о томъ, что мать
Тебя такъ щедро одарила.

Дары такія не могло
Тебѣ людское дать рожденье;
Не въ десять мѣсяцевъ пришло
Такое благъ соединенье.

Великой славы ты примѣръ
Межъ римскихъ дѣвъ одна покажешь:
Съ владыкою небесныхъ сферъ
Изъ нихъ ты первая возляжешь.

Всегда не будешь съ нами ты
Людскихъ лишь спаленъ видѣть стѣны.
Ты совершенство красоты
Явила вновь со дней Елены.

Такъ что-жъ за диво въ томъ, что къ ней
Пылаетъ юношество наше?
Вотъ, отъ кого и Трои всей
Разгромъ конечный былъ бы краше!

⁶⁰) Переведено по догадкѣ, такъ какъ рукописное *Carminaqu(a)e quivis* можно истолковать только съ натяжкой, что и сдѣлалъ Ротштейнъ. Но къ чему было Проперцію въ предшествующемъ стихѣ писать *Et sua cum antiquae* съ элизіей односложнаго слова, когда онъ могъ избѣжать ея, сказавъ *veteris*? Переводъ основанъ на подозрѣніи, что подлинное чтеніе было именно таково, а второй стихъ начинался *Carminaque antiquae*, откуда *antiquae* попало въ первый стихъ, послѣ чего во второмъ явилась контаминація изъ *-que* и *vis* вмѣсто *-gis*. Коринна могла въ то время производить впечатлѣніе грубой старины своимъ беотійскимъ нарѣчіемъ.

За этотъ образъ могъ бы самъ
Ахиллъ найти себѣ кончину,
Да былъ бы долженъ и Пріамъ
Войны привѣтствовать причину.

Когда-то я не могъ понять,
Что Западъ встрѣтился съ Востокомъ
У стѣнъ Пергамскихъ, рать на рать,
Изъ-за жены въ бою жестокомъ.

Теперь, Паридъ и Менелай,
Ужъ я смотрю на васъ иначе:
Ты правъ, что все твердилъ: „отдай“,
А ты—что медленъ былъ въ отдачѣ.

Кто хочетъ больше кисть свою
Твореній древности прославить,
Тотъ долженъ милую мою
За образецъ себѣ поставить.

Востокъ ли блескъ ея лица
Иль Западъ узрить въ спискахъ точныхъ,
Она и западныхъ сердца
Зажжетъ любовью и восточныхъ.

Правда, тонъ этой элегіи нельзя назвать восторжен-
нымъ: Проперцій здѣсь не восхищается Киноеіей, а только
любуется ея достоинствами и при этомъ какъ-бы заигры-
ваетъ съ ней, даже—если позволительно такое сравненіе—
словно щекочетъ ее. Да онъ и въ самомъ дѣлѣ щекочетъ,
если не ее, то ея самолюбіе. Какъ бы искренне ни вос-
торгался онъ своей избранницей, нельзя сомнѣваться въ
томъ, что иногда онъ выхвалялъ ее не по одной вну-
тренней потребности, а также изъ лести, желая упр-
очить за собой ея нѣжность и тѣмъ предупредить гото-
вящуюся измѣну ⁶¹). Иногда это и удавалось ему, если

⁶¹) Ротштейнъ, согласно со своимъ взглядомъ на отношенія, изобража-
емая римскими элегиками, не вѣритъ въ то, чтобы въ самомъ дѣлѣ они

можно вѣрить осьмой элегии первой книги, гдѣ задуманная Кинеіей измѣна и побѣда Проперція изображены въ послѣдовательномъ порядкѣ.

Такъ ты бѣжишь, не властвуя собою ⁶²⁾,
Не думая, что станется со мной?
Въ твоихъ глазахъ теперь ужъ я не стою
Иллиріи холодной и глухой?

И, кто бы онъ ни былъ, этотъ другъ твой новый
Тебѣ достойнымъ кажется того,
Чтобъ къ плаванью съ нимъ всюду быть готовой,
Сопутствія чуждаясь моего?

Дерзнешь ли ты бушующаго моря
Безтрепетно зловѣщій слушать вой?
Возможешь ли найти, съ привычкой споря,
На кораблѣ суровомъ ты покой?

Сумѣешь ли по пеленѣ морозной
Ступать твоя столь нѣжная нога?
Ты въ силахъ ли, зимы не зная грозной,
Переносить летучіе снѣга?

пользовались своими произведеніями для привлеченія къ себѣ своихъ возлюбленныхъ. Но вѣдь нѣтъ ничего естественнѣе такого назначенія эротическихъ стихотвореній, которое и было извѣстно поэтамъ не только романскаго племени, но хотя-бы и германскаго; такъ Вальтеръ фонъ-деръ-Фогельвейде въ пѣснѣ „Saget mir ieman, waz ist minne?“ (69 Lachm.), убѣждая свою даму отвѣчать на его любовь тѣмъ-же и въ случаѣ отказа готовясь прекратить свое ухаживанье, говорить:

Dû solt aber einez wizzen, das dich rehte
Lützel ieman baz denn ich geloben kan=
Но одно ты знать должна, что лучше можешь
Прославлять тебя едва-ли кто, чѣмъ я.

⁶²⁾ Переводъ по смыслу, который требуетъ скорѣе *Ine* или *In* (вмѣсто *isne*, какъ *viden*, *ain*, *satin*), чѣмъ того, что даютъ рукописи, — *Tune*, потому что непонятно удивленіе, какъ могла дойти до такого состоянія именно Кинеія. Другое дѣло въ ст. 5, который и могъ повліять на первый.

Желалъ бы я, чтобъ, множа непогоды,
Удвоилась пора кратчайшихъ дней,
Чтобъ праздные устали мореходы
Стожаровъ ждать въ пріютъ пристаней,

Чтобъ твой корабль отдать не могъ каната
И на пескахъ Тирренскихъ мирно спалъ,
Чтобъ мой призывъ съ надеждою возврата
На вѣтрѣ мнѣ враждебномъ не пропалъ,

Чтобъ видѣть мнѣ не выпало на долю,
Какъ эти вихри перестанутъ дуть,
Когда пловцевъ отъ берега на волю
Волна помчитъ съ тобою въ дальній путь,

А я стоить у моря одинокій
Здѣсь обреченъ, въ тебя вперяя взглядъ,
И часто вслѣдъ махать тебѣ, жестокой,
Грозящею рукой, зовя назадъ.

Но, сколько бъ ты, такъ ложно клясться смѣя,
Передо мной виновна ни была,
Тебѣ въ пути да будетъ Галатея ⁶³⁾
Защитницей отъ всяческаго зла,

Чтобы, когда въ благополучномъ бѣгѣ
Объѣдешъ ты вкругъ Керавнійскихъ скалъ ⁶⁴⁾,
Предъ Орикомъ ⁶⁵⁾ заснувшій въ сладкой нѣгѣ
Тебѣ заливъ пріютъ желанный далъ.

Презрѣвъ соблазны браковъ всѣхъ возможныхъ ⁶⁶⁾,
Въ своей любви къ тебѣ неколебимъ,
Не прекращу я жалобъ осторожныхъ
Передъ порогомъ, милая, твоимъ ⁶⁷⁾,

⁶³⁾ Морское божество.

⁶⁴⁾ У берега Акарнаніи, мимо котораго приходилось плыть по пути въ Иллирію.

⁶⁵⁾ Городъ, гавань котораго отдѣляется отъ моря названнымъ выше утесомъ.

⁶⁶⁾ Переведено по чтенію *taedae* (а не *de te*).

⁶⁷⁾ Переведено по предположенію, что рукописное *vita* искажено изъ *iusta*, а далѣе—по чтенію *limine*, а не *lumine*, не смотря на протестъ Бирта противъ перваго чтенія, удержаннаго и Ротштейномъ.

И, моряковъ проѣзжихъ зазывая,
Разспрашивать не позволяя я:
„Въ убѣжищѣ пловцевъ какого края
Задержана красавица моя?“

И я скажу: „Хотя-бъ переселила
Ее судьба въ Атраковы края,
Туда ли, гдѣ живутъ потомки Гилла,⁶⁸⁾
Она вездѣ останется моя.

Нѣтъ, здѣсь она и здѣсь клялась остаться
Пусть пропадутъ враги мои со зла!
Я побѣдилъ: она въ концѣ не сдается
На долгія моленія не могла.

Завистники безвременную радость
Пусть погребутъ на днѣ души своей:
Для Кинѣи моей пропала сладость
Доселѣ ей невѣдомыхъ путей.

Ей милъ лишь я, и отъ меня столица
Уже милѣй, чѣмъ всякая страна,
И безъ меня вѣнецъ и багряница
Противны ей—такъ говорить она.

И на одномъ она, хоть узкомъ, ложѣ
Покоится со мною предпочла,
И быть моей ей кажется дороже,
Со мною жизнь ей что бы ни дала,

Чѣмъ если бы съ рукой Гишподамин⁶⁹⁾
Обѣщанный удѣлъ достался ей
И всѣ богатства, что во дни были
Приобрѣталъ Элидѣ бѣгъ коней⁷⁰⁾.

Ужъ помѣшать соперникъ мнѣ не можетъ—
Такъ будетъ мнѣ любовь ея вѣрна,

⁶⁸⁾ Обозначенія мѣстностей въ Илиріи, впрочемъ неясны.

⁶⁹⁾ Дочери царя Эномая, обѣщавшаго съ ея рукой свое царство тому, кто побѣдитъ его въ состязаніи на колесницахъ.

⁷⁰⁾ Намекъ на Олимпійскія игры.

И славы той предѣла не положить,
Меня покрывъ съ годами, сѣдина ⁷¹⁾).

Хоть много ей даровъ давалъ онъ цѣнныхъ,
Хоть болѣе сулилъ ихъ впереди,
Она отъ выгодъ отреклась презрѣнныхъ
И на моей осталася груди.

И я успѣлъ не золота сіяньемъ,
Ни красотой индѣйскихъ жемчуговъ
Ее смягчить, а сладкимъ обаяньемъ
Въ угоду ей излившимся стиховъ.

Такъ, вѣрно есть и Аполлонъ и Муза,
Любовникамъ усердные друзья.
Я ихъ призвалъ въ охрану съ ней союза,
И вотъ по праву Киноея — моя ⁷²⁾).

Теперь могу побѣдною пятою
И поирать надзвѣздные края:
Придетъ ли день или ночь за нимъ чредою,
Всегда, повсюду Киноея—моя.

Киноея, сама покушавшаяся на поэтическіе лавры, выказывала тѣмъ большую чувствительность къ прославленію ея имени въ стихахъ, что могла цѣнить произведенія своего поклонника по достоинству, какъ онъ увѣряетъ самъ. Притомъ она считала себя, вѣроятно, искусной декламаторшей, и въ ея собственной передачѣ стихи Проперція нравились ей чуть-ли не еще болѣе, судя по Ц, 26, 25 (Ш, 22,5) слѣд.:

Она твердитъ, стихи мои читая,
Что богачей любовь ей неужна.
Поэзіи поклонница такая
Не схищется на свѣтѣ, какъ она.

⁷¹⁾ Въ переводѣ ст. 45—46 поставлены послѣ 36 по предложенію Фигера (De locis quibusdam Propertianis p. 11).

⁷²⁾ Переведено по догадкѣ iure вмѣсто гага.

Въ II, 33 (III 31), 38 Кинѳея, полушьяная, тихимъ голосомъ повторяетъ его стихи⁷³⁾. Въ надеждѣ именно на ея вкусъ года черезъ два послѣ I 8⁷⁴⁾ онъ пытался еще разъ возвратить себѣ ея милости посредствомъ поэзіи.

II 13 (III 4).

Меньше стрѣль Ахеменовы внуки⁷⁵⁾

Изъ-подъ Сузъ забираютъ на рать,

Чѣмъ Амура проворныя руки

Въ мое сердце успѣли послать.

Этотъ родъ пѣснопѣнья, хоть тощій,

Онъ мнѣ самъ презирать запретилъ,

И Аскрейской быть жителемъ рощи⁷⁶⁾

Не затѣмъ онъ меня допустилъ,

Чтобъ деревья Піэрской дубровы

На призывъ подвигались мой

И чтобъ слѣдовать были готовы

Звѣри дебрей Исмарскихъ за мной⁷⁷⁾,

Но чтобъ Кинѳея слѣпо, какъ чарамъ,

Подчинялася пѣснѣ моей,

И я буду тогда своимъ даромъ

Инахійскаго Лина⁷⁸⁾ славнѣй.

Не одной красотѣ лишь наружной

Вся души моей страсть отдана,

⁷³⁾ Къ свидѣтельствамъ выраженія *deducta voce*, приведеннымъ у Ротштейна, слѣдуетъ прибавить Максиміана 5, 105: *cum lacrimis deducta voce sapientem*.

⁷⁴⁾ Если первая книга (*monobiblos*) писана въ 27 г., третья книга, считая послѣ *monobiblos*, т. е. Лахманнова четвертая, писана въ 22 г., а *monobiblos*—въ 27, о чемъ см. предисловіе Ротштейна, стр. XIII.

⁷⁵⁾ Персы или, точнѣе, Парѳяне.

⁷⁶⁾ Т. е. быть поэтомъ не воинственнымъ, какъ Гомеръ, а мирнымъ, какъ Гесіодъ изъ Аскры въ Беотіи.

⁷⁷⁾ То и другое—намекъ на Орфея.

⁷⁸⁾ Миѳическій пѣвецъ.

И мнѣ въ женщинѣ также не нужно,
Чтобъ была она родомъ знатна;

Но къ ногамъ образованной дѣвы
Я охотно для чтенья сажусь,
Чтобъ призналъ моей лиры напѣвы
Безпристрастный, изысканный вкусъ.

Лишь бы въ этомъ уснѣть,—что за дѣло
Мнѣ до смутныхъ народа рѣчей?
Обезпечена слава всецѣло
Мнѣ судомъ милой дѣвы моей.

Если-жъ склонить, отрекшись отъ розни,
На мольбы она слухъ, о! тогда
Ужъ ничьи не страшатъ меня козни,
Ни съ Юпитеромъ грознымъ вражда.

Если порядокъ элегій, сосѣднихъ съ только-что приведенной, можно считать хронологическимъ, то и эта попытка удалась: за этой элегіей слѣдуетъ, правда, одна въ минорномъ тонѣ, гдѣ Проперцій, вѣроятно, для того, чтобы разжалобить Киннею, отдаетъ ей распоряженія относительно своихъ похоронъ, но далѣе идутъ двѣ по истинѣ побѣдныя пѣсни. Стараясь растрогать свою непостоянную и нерѣдко суровую подругу, онъ говоритъ иногда такимъ языкомъ, какой мы не привыкли встрѣчать у древнихъ.

I 18.

Это мѣсто ужъ вѣрно пустынно.
Вотъ для жалобъ глухой уголокъ!
Лишь Зефиръ здѣсь порхаетъ невинно,
Оживляя безлюдный лѣсокъ.

Здѣсь печали сокрытыя смѣютъ
Безъ опаски излиться на свѣтъ,
Если скалы въ пустынѣ сумѣютъ
Сохранить строгой тайны завѣтъ.

Такъ съ чего я начну исчисленье

Всѣхъ обидъ твоихъ, Кинѳія, мнѣ?

О какомъ мнѣ впередъ оскорбленѣ

Слезы, Кинѳія, лить въ тишинѣ?

Еще такъ это было недавно:

Я счастливымъ любовникомъ слылъ;

А теперь мнѣ къ стыду уже явно

Не находить отвѣта мой пылъ.

Но за что мнѣ немилость такая?

Чѣмъ твой гнѣвъ на себя я навлекъ?

Иль виной тому дѣва другая,

Что мнѣ такъ приговоръ твой жестокъ?

Но клянусь той мечтою пріятной,

Что тебя возвратитъ мнѣ мой зовъ:

Дѣва чуждая ножкою статной

Черезъ порогъ мой не клала слѣдовъ.⁷⁹⁾

Иль липо мое холодомъ дышетъ,

Измѣняя лишь рѣдко свой цвѣтъ,

И ужъ рѣчь моя страстью не пишеть,

И въ ней признаковъ вѣрности нѣтъ?

Вы свидѣтели мнѣ безъ подлога

(Если дереву нѣжность сродна),

Ты, о дубъ, и аркадскаго бога⁸⁰⁾

Вѣковая подруга, сосна!

Часто слышны мои разговоры

Въ шаткомъ сумракѣ вашей листвы,

На корѣ своей часто узоры

Слова „Кинѳія“ носите вы.

Иль замѣтной покоя потери,

Измѣнивъ, ты боишься во мнѣ?

Хоть что было межъ нами, то двери

Только знаютъ, но скромны онѣ.

⁷⁹⁾ Дальше переведено по перестановкѣ, предложенной Геймрейхомъ (Quaestiones Propertianaе р. 51 sqq.),—ст. 13—16 послѣ 24.

⁸⁰⁾ Пана.

Сколько-бъ горечи ты ни вложила
 Въ этотъ мрачный души моей строй,
 Моего раздраженія сила
 Все-жъ не явится въ злобѣ такой,

Чтобъ причиной тебѣ непрерывной
 Былъ я гнѣва и ярыхъ угрозъ,
 И чтобъ блеска красы своей дивной
 Твои глазки лишились отъ слезъ.

Всѣ красавицы гордой прикази
 Исполнять я со страхомъ привыкъ;
 На обиды ея и проказы
 Громкихъ жалобъ не знаетъ языкъ.

И за это, о боги, брожу я
 Межъ терновъ по холодной скалѣ,⁸¹⁾
 Безъ удобствъ и покоя ночую
 На тропѣ, въ непривѣтливой мглѣ.

И все то, что о злой своей долѣ
 Разсказать я сумѣлъ бы другимъ,
 Въ одиночествѣ здѣсь поневолѣ
 Говорю лишь пѣвуньямъ лѣснымъ.

Но чѣмъ хочешь ты будь, — пусть отвсюду
 Откликъ „Кинѳія!“ роща мнѣ шлетъ,
 И я вслухъ повторять не забуду
 Твое имя средь голыхъ высотъ.

Это уже сентиментальность, которая считается—и, говоря вообще, справедливо—принадлежностью позднѣйшихъ временъ. Впрочемъ это не единственный примѣръ сладко-

⁸¹⁾ Переведено по догадкѣ—*di magni! sentes* вмѣсто рукописнаго *divini fontes*. Источники высоко цѣнились древними и потому, особенно съ эпитетомъ *divini*, никакъ не могли быть упомянуты въ видѣ непривлекательной черты описываемой мѣстности. Если за *divini* скрывается герундiвъ въ родѣ *visendi*, въ переводѣ вмѣсто „о боги“ можно поставить „въ награду“. Признаки мѣстности въ этой строфѣ тѣ-же, что выше и ниже: скалы и лѣсъ, который здѣсь представленъ тропой (*trames*—лѣсная тропа)

ватою чувствительности въ эпоху процвѣтанія эротической поэзіи въ Римѣ. Что въ сентиментальности всегда есть нѣчто искусственное, о томъ не можетъ быть спора, особенно при извѣстныхъ условіяхъ, какъ напр. у того-же Проперція въ концѣ элегіи II 1, посвященной Меценату:

Когда передъ моею гробницею
Тебѣ свершать случится путь,
Конямя съ Британской колесницей
Въ рѣзномъ ярмѣ дай отдохнуть

И такъ скажи, мой прахъ безгласный
Почтивъ невольною слезой:
„Былъ жертвой дѣвы безучастной
Бѣднякъ, обрѣтшій здѣсь покой“.

Отсюда ужъ недалеко до извѣстныхъ стишковъ И. И. Дмитріева:

Двѣ горлицы укажутъ
Тебѣ мой хладный прахъ,
Воркуя, томно скажутъ:
„Онъ умеръ во слезахъ“.

Но эта доля искусственности еще не всегда свидѣтельствуешь противъ искренности господствующаго чувства, которое могло облечься въ сентиментальную форму только подъ вліяніемъ моды или обстоятельствъ, какъ и въ первомъ случаѣ Проперцій, по всей вѣроятности, имѣлъ въ виду дѣйствіе своихъ трогательныхъ изліяній на нѣжное сердце Кинѳіи. Изображая себя въ бесѣдѣ съ деревьями и гнѣздящимися на нихъ птичками, онъ отчасти подлаживался подъ вкусъ той, для которой писалъ; а женщины этого разбора очень часто вознаграждаютъ себя и другихъ за отсутствіе чувства чувствительностью. Но Кинѳія не была лишена и способности къ любви или, по крайней мѣрѣ, чего-то такого, что Проперцій, пока былъ

ослѣвленъ страстью, могъ принимать за любовь: какъ большинство женщинъ, она была самолюбива не только за себя, но и за своихъ поклонниковъ. Красота, граціозность, ловкость въ обращеніи, знаніе музыки, умѣнье писать стихи, по ея мнѣнію, очень хорошіе,—все это дѣлало ее тщеславной и потому падкой на лесть; но кромѣ того ей было не безразлично качество ея жертвъ: какой-нибудь преторъ изъ Иллиріи, варваръ по происхожденію и воспитанію, но награбившій въ своей провинціи значительное богатство, могъ представлять ей интересъ на время, какъ источникъ наживы, а когда она успѣвала общипать его, какъ ей иронически совѣтуетъ Проперцій II, 16 (III 8), 7—10, то немедленно его бросала; но Проперцій, молодой, образованный, даровитый, вращающійся въ кружкѣ Мecenата, хотя не могъ удовлетворять ея корыстолюбію, никогда не терялъ въ ея глазахъ своей привлекательности, и не только потому, что прославлялъ ее, но и потому, что самая близость съ такимъ выдающимся изъ толпы человѣкомъ льстила ея самолюбію: поэтъ, о которомъ говорятъ въ городѣ, есть ея собственность,—мало того: онъ есть ея созданіе, такъ какъ онъ самъ заявляетъ во всеуслышаніе, что своимъ вдохновеніемъ обязанъ ей, напр. II, 1, 4; 30 (III 28), 40. Въ этомъ смыслѣ, а не въ видѣ намека на разницу въ лѣтахъ (ср. Ротштейна XXIX), Проперцій могъ говорить о себѣ, какъ объ ея сынѣ, II, 18, 33 (III, 11, 11):

Ни братомъ рокъ тебя не надѣлилъ, ни сыномъ:

Да будутъ братъ и сынъ тебѣ во мнѣ единомъ!

Да и ненужно женщинѣ для проявленія материнской попечительности въ отношеніяхъ къ мужчинѣ быть непременно старше его: материнское чувство до такой сте-

пени свойственно ей, что проглядываетъ въ ея любви къ кому бы то ни было, хотя-бы онъ и годился по возрасту ей въ отцы. И такъ Кинѳіа дорожила любовью Проперція и нерѣдко устраивала ему сцены за его грѣшки противъ вѣрности, мимолетные, но тоже нерѣдкіе⁸²⁾. И Проперцій не только не тяготился этими взрывами ревности, то слезливыми, то бурными и даже буйными, но скорѣе радовался имъ, видя въ нихъ доказательство непритворной страсти. Въ элегій III 8 (IV 7) онъ такъ развиваетъ свою теорію поддержанія любви:

Отраднѣ мнѣ была ты ссора
Вчера за ужиномъ съ тобой
И полный брани и укора
Твой крикъ и гнѣвъ безумный твой.

Зачѣмъ ты стоишь передъ собою
Толкаешь въ бышенствѣ хмельномъ
И мечешь яростной⁸³⁾ рукою
Въ лицо посуду мнѣ съ виномъ?

Нѣтъ, лучше въ волосы горстями
Вцѣпясь мнѣ, отбросивъ страхъ,
Оставь изящными ногтями
Замѣтки на моихъ щекахъ,

Страдай меня, что выжечь вѣжды
Горящей хочешь головней⁸⁴⁾,
Отъ горла разорвавъ одежды,
Мнѣ наголо всю грудь открой.

Въ томъ страсти истинной примѣты
Распознаю я для себя:

⁸²⁾ Напр. II 20 (III 13), III 15 (IV 14), V 8; не раздраженіе, а печаль потому-же III 6 (IV 5).

⁸³⁾ Переведено по предположенію, что Проперцій написалъ здѣсь, какъ I, 8, 16, *infesta*, которое позже было вытѣснено прилагательнымъ *insana*, перенесеннымъ сюда съ того-же мѣста второго стиха.

⁸⁴⁾ Не вѣрнѣ ли *objecta* вмѣсто *subiecta*? Предшествуетъ *oculos*.

Такъ сильно женщины задѣты
Вѣдь не бываютъ, не любя.

Когда у женщины безъ мѣры
Плодится брань на языкѣ,
У ногъ владычицы Венеры
Когда лежитъ она въ тоскѣ,

Людьми своими безотмѣнно
Повсюду друга сторожить
Иль, какъ Менада,⁵⁵⁾ иступленно
За нимъ средь улицы бѣжить,

Иль ей безумныя видѣнья
Во снѣ тревожатъ робкій умъ,
Иль дѣвъ другихъ изображенья
Причиной служатъ мрачныхъ думъ,—

На эти душъ ревнивыхъ муки
Я самъ угадчикъ не плохой;
Я знаю: крѣпче нѣтъ поруки
За вѣрность чувства никакой.

Союзъ любви непрочень будетъ
Безъ оживляющихъ измѣнъ.
Моимъ врагамъ лишь рокъ да судить
У хладнокровной дѣвы плѣнъ!

Мою искусанную шею
Пусть видятъ сверстники кругомъ;
За синяки я не краснѣю:
То знакъ, что съ ней я былъ вдвоемъ.

Въ любви иль мучиться мнѣ мило
Иль слышать стоны мукъ чужихъ,
Хочу иль слезы лить уныло
Иль слезъ быть зрителемъ твоихъ.

Люблю, когда бровей движеньемъ
Отвѣты въ тайнѣ ты даешь

⁵⁵⁾ Вакханка.

Иль пальцевъ хитростнымъ сложенъемъ
Бесѣду скрытую ведешь.⁸⁶⁾

Но не терплю, когда возможно
Безъ вздоховъ мнѣ вкушать покой;
Хочу всегда блѣднѣть тревожно,
Гнѣвъ милой чуя надъ собой.

Была пріятнѣ Париду
Любовь, когда утѣшить ей
Свою умѣлъ онъ Тиндариду⁸⁷⁾
При звонѣ греческихъ мечей.

Давайцы бой несутъ подѣ стѣны,
Суровый Гекторъ все стоитъ,
А онъ въ объятіяхъ Елены
На славу подвиги вершить.

Съ тобой, съ другимъ изъ-за тебя-же
Весь вѣкъ свой буду я въ войнѣ:
Гдѣ ты, я быть хочу на стражѣ,
А міръ совсѣмъ не нуженъ мнѣ.

Ликуй, что ты одна всецѣло
Владѣешь славой красоты;
Найдись другая—ты бъ скорбѣла.
Теперь гордиться въ правѣ ты.

Тебѣ-же, кто напрягъ всѣ силы,
Чтобы союзъ нашъ разорвать,
Будь тестъ обузой до могилы
И при женѣ въ придачу мать!

За то, что ночь тебѣ, какъ вору,
Она позволила украсть,
Благодарить со мною ссору,
А не къ тебѣ ты долженъ страсть.

⁸⁶⁾ Толкователи относятъ знаки пальцами къ письменамъ, которыя любовники выводили пальцемъ, размазывая по столу вино; но для послѣдняго дѣйствія нуженъ всего одинъ палецъ, а другіе могутъ только помѣшать. Ловкостью въ объясненіи пальцами Итальянцы отличаются и теперь.

⁸⁷⁾ Елену.

И такъ Проперцій любилъ въ женщинѣ именно то, что ей совѣтуеть Овидій въ своей «Любовной наукѣ» (III 579—608), и Кинеія съ этой стороны удовлетворяла его въ такой мѣрѣ, что онъ восклицалъ:

Въ любви соперникъ мнѣ несносенъ,
Хотя-бъ то былъ Юпитерь самъ,

какъ II, 34 (III 32), 18.

Но при такой теоріи можно-ли уважать предметъ своей любви? Очевидно, нѣтъ. Да Проперцій и не могъ питать уваженія къ Кинеіи, постоянно ему измѣнявшей просто изъ корысти и потомъ безсовѣстно отпиравшейся отъ своихъ проступковъ или старавшейся загладить ихъ клятвами, которыя затѣмъ нарушала. Вотъ одинъ изъ многихъ образчиковъ того мнѣнія, которое Проперцій долженъ былъ составить себѣ о нравственной сторонѣ своей подруги.

I 15 б.⁸⁸)

Нѣтъ, Кинеія, ложью не снѣшься готовой
Свои вѣроломства приккрыть;
Боговъ не испытывай клятвою новой:
Дай прежнія имъ позабыть.

О дерзкая, знай, что грозитъ тебѣ кара
И съ нею печаль для меня,
Когда рокового ты силу удара
Почуешь средь яснаго дня.

Вѣдь раньше рѣчныя покатыя воды
Назадъ отъ пучины морской,
И прежде въ годичномъ порядкѣ природы
Обратный окажется строй,

⁸⁸) Эта элегія, представляющая въ рукописяхъ послѣднюю часть элегіи 15 (ст. 25—42), выдѣлена Риббекомъ.

Чѣмъ будетъ на мигъ мое сердце свободно
Отъ страстной заботы о томъ,
Чтобъ ты, если хочешь, жила, какъ угодно,
Лишь мнѣ не чужею во всемъ,

И чѣмъ хоть на каплю потернать утраты
Въ любви моей глазки твои,
Которыми часто, когда мнѣ лгала ты,
Сомнѣнья смирились мои.

Глаза мнѣ залогомъ своихъ беззаконій
Ты ставила, ими клянись,
Чтобъ, если лукавишь, они на ладони
Упали къ тебѣ въ тотъ-же часъ.

И ихъ ты держашь на встрѣчу сіянья
Великаго солнца возвесть,
И дрожь не объемлетъ тебя отъ сознанья
Того, что забыла ты честь?

И кто заставлялъ тебя щекъ твоихъ розы
На блѣдность мѣнять столько разъ,
И кто выжимать принуждалъ тебя слезы
Изъ холодно блестящихъ глазъ?

Отъ этихъ уловокъ и гибну я нынѣ,
И вотъ мой влюбленнымъ совѣтъ:
„Не вѣрьте вы нѣжнаго чувства личинѣ:
Въ ней правды ни на волосъ нѣтъ“.

Эта элегія относится къ первой или, во всякомъ случаѣ, ранней порѣ близости между Проперціемъ и Кинѳіей. И такъ раскрытіе нравственной несостоятельности любимой женщины, разбившее радужныя мечты Катулла о жизни, не произвело въ Проперціи никакой внутренней перемѣны, по крайней мѣрѣ, на первое время, и не помѣшало продолженію его отношеній къ Кинѳіи, пока безконечная вереница ссоръ и примиреній ему не прискучила. Тогда, глядя на Кинѳію глазами утомленнаго человѣка, онъ, подобно Катуллу, разочаровался въ своей владычицѣ, хо-

тя не такъ, какъ онъ, но все-таки чувствительно, если мы припомнимъ характеръ его любви: онъ понялъ, что красота Кинейи была отчасти дѣломъ искусства, отчасти созданиемъ его воображенія.⁸⁹⁾ Впрочемъ свой отказъ отъ нея онъ объясняетъ тѣмъ, что она оскорбляла его чувства и тѣмъ уничтожала необходимое согласіе.⁹⁰⁾ Она не хотѣла разстаться съ нимъ, но въ послѣдствіи, какъ можно заключить изъ седьмой элегій пятой книги, между ними какъ будто воспослѣдовало нѣкоторое примиреніе, по крайней мѣрѣ, на столько, что они жили вмѣстѣ, но уже ей мѣсто въ сердцѣ Проперція заняла другая женщина, ничѣмъ не замѣчательная, а она продолжала распоряжаться въ домѣ поэта, какъ полновластная хозяйка, и до того надѣла его рабамъ, что самая смерть ея приписывалась отравѣ, примѣшанной однимъ изъ нихъ въ ея кубокъ⁹¹⁾. Проперцій встрѣтилъ ея кончину очень холодно, но когда послѣ похоронъ остался ночью наединѣ съ самимъ собою, его душу охватили благодарныя воспоминанія о тѣхъ счастливыхъ минутахъ, которыя онъ пережилъ съ предметомъ продолжительнѣйшей изъ своихъ привязанностей, и ея образъ предсталъ ему во снѣ съ упреками за его непостоянство, но безъ гнѣва, а напротивъ съ примиряющей мыслью о вѣчномъ соединеніи съ нимъ—если не за гробомъ, чего ожидалъ бы христіанинъ, то хоть въ могилѣ:

Теперь тобой владѣютъ пусть другія,
Но скоро мнѣ достанешься одной:
Ко мнѣ прильнешь навѣкъ, и остоѣ твой
Сожмутъ мои объятія костяныя (V, 7. 93 слѣд.).

⁸⁹⁾ III (IV), 24, 1—8.

⁹⁰⁾ III (IV), 25, 7—8.

⁹¹⁾ Если намеки этой элегій на обстоятельства послѣдняго времени жизни Кинейи слѣдуетъ понимать именно такъ, защитники того мнѣнія, что Кинейя была старше Проперція, едва-ли могли бы пріискать болѣе убѣдительное доказательство въ свою пользу.

Какъ бы мы ни цѣнили чувства Проперція къ Кинѳіи, другой такой любви у него не было, и съ его охлажденіемъ къ ней совпадаетъ его переходъ отъ эротической поэзіи къ родамъ, болѣе объективнымъ, а это значитъ, что заявленія Проперція о зависимости его дарованія отъ Кинѳіи, заключаютъ въ себѣ меньше преувеличенія, нежели можетъ казаться критикамъ, отдѣляющимъ теоретической стѣною творчество поэта отъ его жизни, забывая известное изреченіе Гёте, что всякое стихотвореніе, въ самомъ дѣлѣ поэтическое, есть стихотвореніе на случай (*Gelegenheitsgedicht*); а присутствіе истинной поэзіи въ произведеніяхъ Проперція отрицать невозможно. И такъ Проперцію въ Кинѳіи представлялось или хотя-бы мгновеніями мелькало то, что вызывало въ немъ самыя высокія и отрадныя чувства, къ какимъ только онъ былъ способенъ, и указывало на возможность чего-то безъ сравненія лучшаго, нежели всѣ вещественныя блага, какія онъ могъ вообразить,—иными словами, Проперцій улавливалъ въ Кинѳіи черты того идеала, который безсознательно и смутно мерцалъ въ глубинѣ его души. Что бы ~~ни~~ говорили философы о безусловности идеала—и со своей точки зрѣнія они, очевидно, правы,—личныя идеалы такъ-же разнообразны, какъ личности. Проперцій, какъ мы видѣли, былъ артистъ или, если можно такъ выразиться, артистъ-гастрономъ, т. е. эстетикъ смакующій, цѣнящій изящное не только въ немъ самомъ, но и въ собственномъ чувствѣ, въ пріятномъ ощущеніи, которое онъ выносилъ изъ созерцанія изящнаго. У любителей красоты ради одного удовольствія, безо всякаго обобщенія въ идеалъ, это смакованье легко ведетъ къ цинизму, въ который и впадаетъ сплошь да рядомъ Овидій ⁵²⁾; у людей съ распатанными

⁵²⁾ Ср. примѣчаніе 56. Самое крайнее проявленіе физическаго воспріятія изящнаго у Проперція есть II 15 (III 7); но гдѣ онъ говоритъ только:

нервами такое отношеніе къ красотѣ доходить до предѣловъ почти физическихъ явленій, но столь сильная гипестезія нервной системы встрѣчалась у древнихъ, конечно, рѣже, чѣмъ въ нашъ разслабленный вѣкъ; однако эпикуреизмъ въ эстетическомъ наслажденіи едва-ли возможенъ безъ нѣкоторой доли нервности. Проперцій и былъ человѣкъ нервный, хотя не слабо-нервный: можетъ быть, онъ иногда и въ самомъ дѣлѣ плакалъ, какъ онъ говоритъ неоднократно, но преимущественно его нервность проявлялась въ потребности волненія и тревоги. При иныхъ обстоятельствахъ изъ него могъ бы выйти лихой воинъ, который отличался бы при вылазкахъ и на аванпостной службѣ; но такъ какъ онъ, подобно большинству своихъ современниковъ изъ не-военныхъ, воспитался въ духѣ отвращенія отъ войны, его наклонность къ сильнымъ ощущеніямъ нашла себѣ исходъ въ той «мирной войнѣ», *Krieg im Frieden*, которая составляла существенную сторону его романа съ Кинѳіей.

Въ этомъ отношеніи полную противоположность къ Проперцію представляетъ собою Тибуллъ, такой-же безусловно мирный гражданинъ, какъ Горацій, отъ котораго онъ отличается отсутствіемъ преобладанія ума и менѣе сангвиническимъ темпераментомъ. Что касается значенія любви въ жизни Тибулла, то и его возлюбленные играли нѣкоторую и даже необходимую роль въ воспроизведеніи его идеала, но объемъ этой роли былъ незначителенъ, какъ и у Горація, потому что элементы ихъ идеаловъ были распределены равномерно.

Наибольшее нарушеніе равновѣсія въ условіяхъ вну-

Quam vario amplexu mutamus braccia! (ст. 9), тамъ Овидій изобразилъ бы рядъ картинъ во вкусѣ Аретина или *Icosimechanon*; ср. *Ars* III 771—788.

тренняго благополучія наблюдается у Катулла, который по этому и представляет наибольшій интересъ въ исторіи любви у древнихъ. Но прежде, чѣмъ мы возвратимся къ этому единственному въ своемъ родѣ поэту, попытаемся опредѣлить характеръ той любви, которая дала содержаніе римской элегіи. Есть-ли эта любовь нѣчто особое, свойственное лишь извѣстному мѣсту и времени, или общечеловѣческое и вѣчное, только видоизмѣненное извнѣ преходящими бытовыми формами?

Всякая любовь, хоть сколько-нибудь достойная этого имени, т. е. затрогивающая не одну животную сторону человѣка, коренится въ стремленіи къ идеалу. Но что значить стремиться къ идеалу? Мухаммедъ сказалъ, что всякая душа рождается мусульманкой. Мы, христіане, не считаемъ нужнымъ приписывать душѣ новорожденнаго человѣка непременно свою вѣру, хотя могли бы это сдѣлать съ гораздо большимъ правомъ, чѣмъ мусульмане, потому что отличительная черта христіанства есть именно то свойство, которое называется человѣчностью или гуманностью. Но это утвержденіе относилось бы къ душѣ, какъ желающей приблизиться къ идеалу, т. е. отрицающей себя ради высшаго начала, что ведетъ прямо и цѣликомъ къ религіи или къ философіи; а вѣдь душа рѣдко доходитъ собственными силами до такого самоотверженія, и ужъ во всякомъ случаѣ не сразу. Когда у человѣка являются первые помыслы объ идеалѣ, онъ стремится, наоборотъ, приблизить его къ себѣ, такъ или иначе олицетворивъ его и такимъ путемъ сдѣлавъ его доступнѣе себѣ. Въ этой стадіи развитія душа не христіанка, а скорѣе язычница, потому что она такъ или иначе покушается на «сотвореніе кумира». Здѣсь идетъ рѣчь, конечно, о кумирѣ не религіозномъ, объединяющемъ, хоть и частями

(при многобожїи), все міровоззрѣніе человѣка по извѣстнымъ формамъ, болѣе или менѣе условнымъ и закрѣпленнымъ въ преданїи, а лишь о кумирѣ, такъ сказать, сердечномъ, который воплощаетъ въ себѣ завѣтныя мечты личности, моральныя и эстетическія, и своимъ присутствіемъ, хотя-бы даже не вполне реальнымъ, поддерживаетъ въ ней вѣру въ нихъ и готовность служить имъ. Несомнѣнно, что и такой идеаль восходитъ къ основѣ метафизической, но такъ какъ первые его проблески являются въ чувствѣ, а не въ мысли, онъ представляется намъ какъ-бы болѣе конкретнымъ, чѣмъ только мыслимый, а потому навязывается нашему воображенію, которое и усиливается облечь его въ опредѣленную форму. При одинаковомъ вниманїи къ духу и къ его многообразнымъ проявленїямъ въ веществѣ и при точномъ сознанїи отношенїя между этими обоими видами бытія воображеніе дѣйствуетъ творчески и воплощаетъ идеаль посредствомъ искусства, образовательнаго или необразовательнаго,—все равно, потому что поэзія не можетъ обойтись безъ образовъ, а средства музыки вполне матеріальны. Но такой способъ приближенїя идеала возможенъ лишь подъ условїемъ извѣстной высоты культуры, и чѣмъ болѣе представленіе идеала растворяется въ искусствѣ, тѣмъ, значитъ, культура выше и, при томъ, равномернѣе, безъ предпочтенїя духа передъ матеріей или наоборотъ. Мы, люди конца XIX вѣка, охотно признаемъ свое время самымъ культурнымъ во всей исторїи, но высота—понятїе относительное, а существенный признакъ его состоитъ въ томъ, что эта квалифікація должна быть примѣнима приблизительно съ одинаковымъ правомъ ко всѣмъ подводимымъ подъ это понятїе предметамъ. Высока та культура, которая осуществляетъ синтезъ періода, истекшаго со времени та-

кой-же синтетической эпохи въ исторіи культуры. Такую высоту культуры при равновѣсіи начала духовнаго и вѣщественнаго мы находимъ у Грековъ въ эпоху процвѣтанія ихъ искусства. Но приближеніе къ себѣ идеала этимъ и только этимъ путемъ равняется признанію его отсутствія въ дѣйствительномъ мірѣ. Въ сущности это и не приближеніе идеала къ человѣку, а лишь условное изображеніе его для человѣческаго пониманія человѣческими средствами, со всѣми ограниченіями, какія вызываются предѣлами даннаго искусства. Греки ясно сознавали недостаточность каждаго искусства въ отдѣльности и старались пополнить ее при помощи соединенія нѣсколькихъ искусствъ, расписывая статуи и зданія или изготовляя ихъ части изъ различнаго матеріала и сочетая поэзію съ музыкой и пляской (но не пользуясь средствами, посторонними искусствамъ, каковы механизмъ, освѣщеніе помимо солнечнаго, шумъ вмѣсто тоновъ и т. п.). Однако и соединять можно только искусства однородныя—одно искусство пространства или времени съ другимъ такимъ-же, но и думать нельзя о совмѣщеніи Фидіева Зевса съ его гомеровскимъ первообразомъ въ одномъ произведеніи, какъ это ни желательно, потому что Зевсъ въ изваяніи нѣмъ и неподвиженъ, а въ поэмѣ—не воспринимается ни однимъ изъ пяти чувствъ. Для того, чтобы ограничить свое представленіе идеала изображеніемъ его въ искусствѣ—не говоря уже о созерцаніи идеала въ мысли,—нужно метафизическое его пониманіе, какъ чистой идеи, лежащей внѣ опыта. Разумѣется, только такое отношеніе къ идеалу и допустимо съ точки зрѣнія логики по самому его опредѣленію. Это и есть настоящій идеализмъ, который неразрывно связанъ съ религіей и съ философіей. Потому-то искусство у Грековъ такъ близко къ религіи, потому и

высшее развитіе его совпало съ высшимъ и плодотворнѣйшимъ напряженіемъ философской мысли.

Но, говоритъ Дельвигъ, чѣмъ ближе къ небу, тѣмъ холоднѣе. Если мы ограничимъ примѣненіе этого замѣчанія житейскимъ обиходомъ, именно отношеніями личности къ себѣ подобнымъ, хотя-бы даже поскольку эти отношенія входятъ въ поэзію, Дельвигъ правъ: чѣмъ яснѣе будетъ намъ представляться различіе между идеаломъ и людьми, тѣмъ менѣе будемъ мы цѣнить отдѣльную личность, хотя можемъ всей душой любить тотъ многочисленный комплексъ личностей, который объединяется понятіемъ «человѣкъ». Любовь къ отдѣльной личности, разумѣется, была и въ Греціи, потому что безъ любви человѣкъ не жилъ нигдѣ и никогда; но любовь слагается изъ различныхъ элементовъ, хотя общій характеръ ея при всякихъ сочетаніяхъ одинъ и тотъ-же — исканіе своей половины, какъ говоритъ Аристофанъ въ Платоновомъ «Пирѣ». Насколько мы знаемъ любовь у Грековъ, они гораздо рѣже насъ терпѣли разочарованія — отчего? не были-ли греческія женщины лучше нашихъ? совсѣмъ нѣтъ, а просто оттого, что Грекъ гораздо рѣже очаровывался: онъ бралъ себѣ жену, можетъ быть, и по любви, т.-е. чувствуя къ ней влеченіе, но не ожидалъ отъ нея ничего сверхъестественнаго и даже необыкновеннаго. Нельзя сказать, чтобы ему были чужды идеалы женскихъ добродѣтелей: онъ слыхалъ о Пенелопѣ, соблювшей вѣрность своему мужу за всѣ двадцать лѣтъ его отсутствія, объ Алкестидѣ, пожертвовавшей для спасенія мужа своей жизнью, объ Антигонѣ, всецѣло посвятившей себя исполненію родственныхъ обязанностей, и могъ даже сочувствовать Гемону, наложившему на себя руки по смерти Антигоны, хотя браку съ нимъ она предпочла отданіе должныхъ почестей тѣлу

брата; но всѣ эти идеальные женскіе типы, въ томъ числѣ и Елена, воплощеніе безупречной красоты, и вмѣстѣ съ ними безграничная любовь, представлялись Греку, какъ и золотой вѣкъ, возможными только въ тѣ давно минувшія времена, къ которымъ эти преданія относятся. Едва-ли мы ошибемся, если скажемъ, что таковъ былъ господствующій характеръ любви у Грековъ, по крайней мѣрѣ, со стороны мужчинъ: у женщинъ дѣло могло быть иначе, но, если не считать представительницъ прекраснаго пола въ комедіяхъ Аристофана, о нихъ за этотъ періодъ извѣстно мало—и тѣмъ лучше для нихъ, прибавилъ бы Грекъ, потому что, какъ говорилъ Перикль, лучшая женщина та, о которой въ мужскомъ обществѣ наименѣе слышно отзывовъ, какъ въ порицаніе, такъ и въ похвалу. Взглядъ на женщину не измѣнился и тогда, когда появились изящныя и образованныя гетеры, представлявшія полную противоположность тому типу, на который, какъ на нормальный, указывалъ Перикль, отдававшій, впрочемъ, должное достоинствамъ Аспазіи: въ глазахъ Грека гетеры были гетерами, а женщины — женщинами. Вообще ни женщина, ни любовь не занимали особенно важнаго мѣста въ духовной жизни Грековъ.

Римлянинъ любилъ свою жену, блюстительницу его домашней жизни и мать его дѣтей, но о любви до брака и внѣ брака въ Римѣ мало слышно до послѣднихъ временъ республики. При патріархальности нравовъ и силъ родительской власти развитіе любви между римскими супругами шло, вѣроятно, тѣмъ несложнымъ путемъ, изображеніемъ котораго Лукрецій заключаетъ свою четвертую книгу:

Помимо божества и стрѣлъ любви подчасъ
Хоть и невзрачная плѣнить умѣетъ насъ,

И женщина сама поступковъ чистотою,
Услужой нѣжною, наряда красотою
Сожителя къ себѣ привяжетъ до конца.
Еще привычкою связуются сердца.
Вѣдь, что хотя слегка долбятъ, но учащенно,
Сдаваясь въ долгій срокъ, слабѣтъ постепенно.
Не такъ-ли, капаа на камень, водный токъ
И въ камнѣ ямину долбитъ за долгій срокъ?

Однако бывали въ Римѣ примѣры такой сильной супружеской любви, что мужъ не могъ пережить жену и наоборотъ. Три такихъ случая рассказываетъ Валерій Максимъ въ шестой главѣ четвертой книги. Изъ нихъ одинъ особенно замѣчателенъ своей поэтической обстановкой. Маркъ Плавтій, отводя союзническій флотъ въ Азію, прибылъ со своей женой, Орестиллой, въ Тарентъ. Тамъ она заболѣла и умерла. Во время похоронъ, при прощаніи, Плавтій внезапно бросился на свой мечъ и тутъ-же испустилъ духъ. Присутствовавшіе при этомъ его друзья возложили его на костеръ, не раздѣвая, въ тогѣ и въ обуви, рядомъ съ женою и сожгли обоихъ вмѣстѣ, а затѣмъ похоронили ихъ останки въ одной гробницѣ, которая и во времена Валерія Максима была извѣстна подъ названіемъ гробницы «двухъ любящихъ» (τῶο φιλόπυτων). Этотъ примѣръ привлекаетъ къ себѣ вниманіе не только своею поэтичностью, но и тѣмъ, что Плавтій наперекоръ завѣтамъ римской доблести изъ-за смерти жены не исполнилъ возложеннаго на него государствомъ порученія. Положимъ, что онъ лишилъ себя жизни въ припадкѣ отчаянія или, какъ теперь говорятъ, подъ вліяніемъ аффекта. Но въ сдержанномъ, дисциплинированномъ Римлянинѣ, особенно военномъ, страненъ и такой аффектъ изъ-за женщины, этого необходимаго зла, какъ опредѣлялъ жену Метеллъ Нумидійскій⁹³⁾. Вѣдь поступокъ Плавтія значить, что

⁹³⁾ Gell. I, 6, 2.

при послѣднемъ взглядѣ на лицо его покойной жены жизнь представилась ему праздною, — ему, воспитанному въ непрекословномъ повиновеніи требованіямъ государства, — ему, полководцу, да еще при исполненіи служебнаго долга! Ясно, что эта женщина заняла много мѣста въ его сердцѣ и помыслахъ. Если бы онъ выразилъ свои чувства словами, онъ сказалъ бы, какъ трубадуръ Понсъ Кандуэльскій въ заплачкѣ по своей «госпожѣ» Аделаидѣ (Alazais):

Веселья нѣтъ, и радость отошла,
И цѣлый свѣтъ ничтожень сталъ и пустъ! ⁹⁴⁾

Здѣсь мы встрѣчаемся съ явленіемъ, рѣдкимъ въ древнемъ мірѣ, съ настроеніемъ, отъ котораго вѣетъ инымъ духомъ, болѣе понятнымъ для насъ, чѣмъ желѣзная твердость, прославившая Римлянъ. Тѣмъ-же духомъ, хотъ и не въ такомъ бурномъ проявленіи, но за то въ формѣ словесной и потому болѣе доступной разбору, проникнута и римская элегія, а у Катулла—всѣ стихотворенія, относящіяся къ Лезбіи.

А въ чемъ, наконецъ, состоитъ этотъ иной, понятный намъ духъ? Въ томъ, что любовь, какъ чувство, рѣзко отдѣляется отъ привязанностей, основанныхъ на долгѣ и народной привычкѣ, и предметъ такой любви ставится выше привязанностей этого рода и даже выше всего на свѣтѣ. Потому распространеніе этого духа въ обществѣ, особенно сознательное, возможно только при ослабленіи обязательныхъ привязанностей настолько, что у человѣка является вниманіе къ своимъ личнымъ чувствамъ въ противоположность массѣ членовъ одной съ нимъ обществен-

⁹⁴⁾ Jois es delitz e deportz es perdutoz

E totz lo mons es tornatz a nien.

ной группы и оказывается достаточный досугъ для развитія этихъ чувствъ и, далѣе, для удовлетворенія ихъ. Это тотъ переломъ, который Гёте въ своемъ сравненіи Шекспира съ древними и новѣйшими писателями охарактеризовалъ по отношенію къ литературѣ слѣдующими словами: «Преобладающей чертой въ древнихъ поэтическихъ произведеніяхъ является несоотвѣтствіе между долгомъ (Sollen) и совершеніемъ (Vollbringen), а въ новѣйшихъ—между хотѣніемъ (Wollen) и совершеніемъ». Когда нарушается нравственный синтезъ общественнаго сознанія, когда міросозерцаніе общества выходитъ изъ равновѣсія въ распредѣленіи интересовъ общихъ и частныхъ, измѣняясь въ пользу личности, тогда и личность утрачиваетъ свое внутреннее равновѣсіе. Центръ тяжести и въ то-же время — точка опоры для нравственнаго равновѣсія члена общества есть убѣжденіе въ томъ, что его личное благо совпадаетъ съ благомъ общимъ, и что созданіе или утвержденіе общаго блага зависитъ отчасти отъ его личной готовности и стараній. Причины усиленія, какъ и упадка этого убѣжденія многообразны и не относятся къ предмету этого изслѣдованія, но вѣрно то, что въ Греціи временъ діадоховъ и въ Римѣ при переходѣ республики въ монархію, какъ и во Франціи, Германіи и Персіи отъ XI до XIV вѣка включительно условія для отрѣшенія личныхъ интересовъ отъ общихъ существовали, и тогда-же во всѣхъ этихъ странахъ процвѣла эротическая поэзія опредѣленнаго характера, въ основѣ — одного и того-же, не смотря на мѣстные различія, зависящія отъ обычаевъ, вѣры и предшествующей исторіи.

Дѣло въ томъ, что человѣкъ, если не имѣетъ центра духовной жизни, общаго со своими товарищами по государству, родичами и т. д., ищетъ центра личнаго. Пло-

домъ исканія идеала на свой страхъ является такъ называемый романтизмъ. Правда, это выраженіе не вполне опредѣленно, такъ какъ нѣкоторые понимаютъ его слишкомъ узко, ограничивая романтизмъ его ново-нѣмецкой разновидностью, другіе—слишкомъ широко, распространяя его чуть не на все не классическое. Несостоятельность или, пожалуй, праздность второго пониманія очевидна, такъ какъ имъ захватываются отчасти несоизмѣримыя величины; что же касается перваго, то недостаточность его выясняется изъ сопоставленія тѣхъ явленій, которыя самими нѣмецкими романтиками привлекались въ сферу ихъ романтизма: романтическое міросозерцаніе они находили съ одной стороны у средне-вѣковыхъ Германцевъ и Романцевъ, съ другой—у Персіанъ, также средне-вѣковыхъ, и у древнихъ Индѣйцевъ. И такъ, если мы согласимся называть романтизмомъ то, что подъ этимъ названіемъ разумѣли Гёте, братья Шлегели, Уландъ, Рюккертъ, Платенъ и другіе новые представители этого направленія, хотя и не вполне формулировали его, то для опредѣленія романтизма мы должны вывести общее изъ элементовъ, вошедшихъ въ составъ той литературной школы, поборникомъ которой, но одностороннимъ, былъ у насъ Жуковский. Онъ виновникъ того, что у многихъ изъ насъ съ понятіемъ романтизма связывается представленіе чего-то туманнаго, неуловимаго и вмѣстѣ страшнаго. Но совершенно правъ Гёте, когда, отвергая принадлежность Шекспира къ романтикамъ (куда его относили между прочимъ Пушкинъ), указываетъ на то, что онъ лишь въ самой нѣжной сторонѣ своей, да и то лишь краемъ, едва соприкасается съ *Sehnsucht* — болѣзненной тоской по чемъ-то далекомъ и трудно-достижимомъ, иногда и смутномъ. Послѣдній признакъ, въ глазахъ узкихъ романти-

ковъ очень важный, на самомъ дѣлѣ несущественъ, потому что бѣлая или меньшая ясность объекта тоски зависитъ какъ отъ его свойства, такъ и отъ степени приближенія къ нему. Но самая тоска, стремленіе, чаяніе есть необходимая черта романтизма. Вотъ здѣсь-то, при опредѣленіи объекта своей тоски, душа и обнаруживаетъ свои языческія наклонности.

Если розы въ цвѣтникѣ ужъ нѣтъ нигдѣ,
Розы духъ гдѣ взять мнѣ? въ розовой водѣ,

говорить въ своемъ Месневи ⁹⁵⁾ Джелаль-эд-динъ Руми, персидскій поэтъ XIII вѣка, одинъ изъ крупнѣйшихъ представителей мусульманскаго пантеистическаго романтизма, называемаго суфизмомъ. Это значитъ: если мы не находимъ идеала въ окружающей насъ дѣйствительности, мы должны довольствоваться частными его проявленіями. Западный романтикъ точно также старается подмѣнить идеаль его проявленіемъ въ дѣйствительности. Но такъ какъ суфій предполагаетъ идеаль, или, что то-же, божество, разлитымъ по всей природѣ въ разныхъ степеняхъ проявленія, то и самое близкое къ совершенству созданіе онъ цѣнитъ лишь по столько, по сколько оно является воплощеніемъ идеала, а романтикъ изъ христіанъ или изъ философски-образованныхъ язычниковъ, отдѣляющій идеаль отъ природы, чтитъ идеаль въ одномъ какомъ-либо созданіи, именно, что и естественно, въ человѣческой особи другого пола. Впрочемъ и романтикъ бываетъ иногда близокъ къ пантеизму, и этому вопросу стоитъ посвятить мимоходомъ нѣсколько словъ, изъ которыхъ выяснится и

⁹⁵⁾ Такъ называется у Персіанъ всякая поэма, въ которой каждые два стиха снабжены особой римой, какъ „Шильонскій узникъ“ Жуковского или „Сказка о царѣ Салтанѣ“ Пушкина.

отношеніе романтизма къ мистицизму вообще и склонность романтизма къ таинственной неопредѣленности и къ ужасамъ.

Романтикъ, предполагая возможность воплощенія идеала въ созданіи, тѣмъ самымъ, какъ выражались схоластики, *implicite* допускаетъ и возможность воплощенія идеала или, говоря иначе, божества въ мірѣ явленій вообще. Потому онъ легко переходитъ на пантеистическую почву, одушевляя природу и затѣмъ олицетворяя ея силы въ сверхъестественныхъ существахъ, какъ эльфы, феи, русалки и т. п. Отсюда соприкосновеніе романтизма съ мифологіей, но обыкновенно не съ классической, кромѣ тѣхъ ея представленій, которыя подверглись германской или романской передѣлкѣ, лишившей древнихъ боговъ ихъ осязательныхъ, строго-антропоморфическихъ образовъ (что впрочемъ могло идти отчасти еще отъ Италиковъ). При такомъ взглядѣ на природу все въ ней представляется таящимъ въ себѣ нѣчто, выходящее за предѣлы наблюденія и обычныхъ понятій о предметахъ, иногда и грозящее опасностью, если не будутъ приняты мѣры, основанныя на томъ-же предположеніи сверхъестественнаго содержанія въ окружающемъ мірѣ. Суевѣрное настроеніе и безъ того легко нападаетъ на человѣка, когда онъ стремится къ цѣли, достиженіе которой зависитъ отъ непредвидимыхъ и непонятныхъ условій. Этимъ психологическимъ фактомъ можетъ отчасти объясняться значительная доля суевѣрія у римскихъ элеликовъ, хотя Римляне вообще не были чужды суевѣрія даже въ эту скептическую эпоху. Очень характерно слѣдующее стихотвореніе Вальтера фонъ-дербъ-Фогельвейде (65—66 Lachm.):

Въ раздумѣ мрачномъ я сидѣлъ.

Тяжелымъ занятъ размышленьемъ;

Ее покинуть я хотѣлъ,
Но былъ удержанъ утѣшеньемъ.
Не утѣшеніе даже было то,
А утѣшеньице едва-едва;
Сказать,—такъ будутъ вамъ смѣшны мои слова.
Но безъ причины радъ бываетъ рѣдко кто.

Мнѣ стебелекъ веселье далъ:
Онъ укрѣпилъ меня въ надеждѣ.
Я по соломинкѣ гадалъ,
Какъ у дѣтей то видѣлъ прежде.
Судите сами, точно-ль я любимъ:
„Да, любить... нѣтъ, не любить... да... нѣтъ... да“.
И такъ при счетѣ былъ конецъ хорошъ всегда.
Вотъ утѣшеніе мнѣ; пришла и вѣра съ нимъ.

То-же настроеніе, но облагороженное классической редакціей, выражено въ одной изъ «Римскихъ элегій» Гёте:

Благочестивы влюбленные: чтимъ мы всѣхъ демоновъ тайно,
Каждога бога покровъ, каждой богини зовемъ.⁹⁶⁾

Тѣмъ болѣе таинственное и глубокое значеніе получаетъ самъ предметъ любви, служащій романтику центромъ всѣхъ его мечтаній и рѣшеній, къ которому онъ, гдѣ бы ни былъ, безпрестанно обращается умомъ и сердцемъ, какъ мусульманинъ на молитвѣ — къ Меккѣ. Избранникъ души представляется назначеннымъ судьбою, «суженымъ», что такъ трогательно и вмѣстѣ подробно выражено Пушкинымъ въ письмѣ Татьяны и гораздо раньше, но и менѣе опредѣленно—Гилемомъ Кабестаньскимъ:

Я вашъ безспорно:
Еще васъ не выдавъ,
Призналъ покорно
Я силу вашихъ правъ.⁹⁷⁾

⁹⁶⁾ Fromm sind wir Liebende, still verehren wir alle Dämonen;
Wünschen uns jeglichen Gott, jegliche Göttin geneigt.

⁹⁷⁾ Be-m par que-m vensa
Vostr' amors, qu' ans que-us vis,
Pon m' entendensa
Que-us ames e-us servia.

Такой взгляд на предмет любви у романтика понятенъ впрочемъ и помимо суевѣрнаго настроенія, какъ и забвеніе своей личности передъ любимымъ человѣкомъ, что также роднитъ романтика съ мистикомъ, особенно съ суфіемъ. Конечная цѣль суфія—слиться со своимъ любимцемъ, Богомъ, и разойтись въ немъ безъ остатка, какъ капля въ морѣ. Вотъ какъ это соединеніе и въ то-же время отождествленіе представлено въ Месневи Джелаль-эд-дина Руми:

Нѣкто къ другу прибылъ, стукнулъ у дверей.

Другъ спросилъ: „Кто ищетъ помощи моей?“.

„Я“, сказалъ онъ.—„Уходи: часъ не приспѣлъ:
Сѣсть за столъ со мной не можетъ, кто незрѣлъ.

Лишь разлука дастъ незрѣлому закалъ;

Безъ нея онъ какъ бы лести избѣжалъ?“.

Въ земли дальнія бѣднякъ направилъ ходъ

И горѣлъ въ огнѣ разлуки цѣлый годъ.

Какъ созрѣлъ онъ и сгорѣлъ, пришелъ назадъ

Въ тѣ мѣста, гдѣ жилъ его по сердцу братъ,

Стукнулъ въ дверь кольцомъ съ опаскою еда,

Робко взвѣсивъ напередъ свои слова.

Другъ окликнулъ: „Кто тамъ въ дверь стучитъ чужой?“.

Онъ въ отвѣтъ: „Здѣсь тоже ты, любимецъ мой!“.

„Если ты—все тотъ-же я, войди, о я!

Я двоимъ пріютъ мой тѣсенъ для житья.

Сквозь иглу пройти двумъ нитямъ нелегко;

Ты одинъ—войди со мной въ одно ушко!“.

Отличается отъ суфія романтикъ во всякомъ случаѣ тѣмъ, что, если онъ язычникъ, онъ не возводитъ свои божества къ единству, если единобожникъ, то отдѣляетъ Бога отъ природы. Религіозный романтизмъ единобожника, если совершенно свободенъ отъ языческихъ воспоминаній, безъ которыхъ и невозможно одухотвореніе природы (какъ напр. въ Шиллеровомъ «Боги Греціи»), воплощаетъ идеаль въ одномъ существѣ, какъ романтизмъ свѣтскій, но въ

существо въ духовномъ, овеществленномъ при помощи воображенія иногда до такой степени, что отношеніе религіознаго романтика къ своему воплощенному идеалу почти таково-же, какъ отношеніе свѣтскаго къ своему. Овеществляются легче, конечно, такія божественныя существа, которыя извѣстны и въ человѣческомъ образѣ. У Индѣйцевъ брахманской вѣры, многобожниковъ, но склонныхъ къ объединенію божества въ тримурти (троицѣ изъ Брахмы, Вишну и Сивы), самый благодарный типъ для романтическаго представленія есть Вишну со своими аватарами (воплощеніями); имъ мастерски воспользовался ко всему примѣнявшійся Гёте въ стихотвореніи «Богъ и баядерка». Въ поклоненіи Буддѣ также есть романтическія черты. Лишено ихъ—и понятно, почему—богопочитаніе у Евреевъ и мусульманъ, но не христіанство, особенно въ самой романтической изъ церквей,—въ католичествѣ (см. напр. сонетъ 12 Петрарки). Кое-гдѣ такія божественныя существа считаются вселившимися въ живыхъ людей, что составляетъ, такъ сказать, двойной романтизмъ. Религіозный романтизмъ въ свою очередь вліяетъ на свѣтскій, придавая отношенію къ воплощенному идеалу религіозную окраску, чему особенно много примѣровъ также у католиковъ, у которыхъ и развился культъ женщины въ такой формѣ, что Данте и Петрарка соприкасаются со святымъ Францискомъ Ассизскимъ, и т. п.

Само собою разумѣется, что смѣшеніе частичнаго проявленія идеала съ его полнымъ воплощеніемъ можетъ произойти у язычниковъ и помимо философскаго воспитанія, если есть въ наличности тѣ условія, при которыхъ человѣкъ не довольствуется общимъ идеаломъ. Такой примѣръ мы находимъ въ мифѣ о Пигмаліонѣ⁹⁸⁾, изваявшемъ статую

⁹⁸⁾ Возможно, что Пигмаліонъ былъ не греческаго происхожденія, какъ

идеальной, по его понятіямъ, женщины и влюбившемся въ свое созданіе, которое потомъ по его молитвѣ было одушевлено Афродитой. Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что, работая надъ статуей, онъ имѣлъ въ виду изобразить не богиню, а только женщину: слѣдовательно онъ хотѣлъ не представить сверхъестественный идеалъ, насколько это исполнимо человѣческими средствами, а воплотить свой личный идеалъ обыкновенной женщины, въ чемъ и успѣлъ, не сумѣвъ только добавить то, что лежитъ внѣ человѣческаго искусства, — жизнь. И такъ онъ желалъ не приблизиться къ идеалу, а приблизить его къ себѣ, очеловѣчивъ его во всѣхъ отношеніяхъ. Имъ руководило то-же чувство, которое опредѣлило выборъ Дамаанти. Кромѣ нишадскаго царька Наля, еще прежде заявившаго ей о своей любви при посредствѣ гусей, къ ней на сватовство явилось много царственныхъ жениховъ и между ними четыре бога, которые приняли видъ Наля и лишь по ея горячей молбѣ обнаружили нѣкоторые признаки своего существа:

И боги ей себя тогда явили:

Безъ пота всѣ и безъ движенія глазъ,
Въ вѣнкахъ живыхъ, свободные отъ пыли,
Стоять чуть-чуть, поверхъ земли держась.

Бросая тѣнь, съ вѣнкомъ, поникшимъ долу,
Въ пыли, въ поту, съ миганіемъ очей,
Съ ногами, вплоть приближенными къ полу—
Таковъ стоялъ Нишада царь предъ ней.

(V 25 слѣд.).

И Дамаанти выбрала смертнаго и несовершеннаго Наля не только по нравственному долгу, а и по любви, которую

и сомнительный ему братъ Дидоны и какъ богиня, превратившая статую въ женщину; но мнѣ объ этомъ художникъ во всякомъ случаѣ подвергся у Грековъ туземной передѣлкѣ, хотя, можетъ быть, и незначительной.

она почувствовала къ нему, какъ только онъ пришелъ къ ней съ извѣстіемъ о предстоящемъ сватовствѣ боговъ. Но при томъ сходствѣ съ любовью романтиковъ, которое замѣчается въ чувствѣ Пигмаліона къ своей статуѣ, тотъ-же мнѣнъ заключаетъ въ себѣ черту, свойственную иному міровоззрѣнію и культурѣ, отличной отъ той, среди какой особенно легко и полно развивался романтизмъ. Пигмаліонъ воплотилъ свой идеаль женщины, насколько это было возможно, собственными средствами, а романтикъ надѣется найти готовое воплощеніе идеала. У Грека былъ подъ рукой исходъ, хоть и недостаточный, въ образовательномъ искусствѣ, которое служитъ клапаномъ избытку тоски по идеалу, не находящей себѣ удовлетворенія ни въ поэзи, ни въ музыкѣ. Вотъ причина, почему эпохи наибольшаго напряженія романтизма обыкновенно совпадаютъ съ эпохами отсутствія или, по крайней мѣрѣ, слабаго развитія живописи и ваянія и постепенно минуютъ съ поднятіемъ этихъ искусствъ, выдвигающимъ впередъ чистый идеализмъ. То-же можно установить и для эпохъ процвѣтанія мистичизма, направленія, родственнаго романтизму, такъ какъ мистикъ, усиливаясь приблизиться къ идеалу, или божеству, и даже слиться съ нимъ путемъ чувства, долженъ сдѣлать трансцендентный предметъ своего стремленія доступнымъ и слѣдовательно приближаетъ его къ себѣ, иногда овеществляя чувство до чувственности. И мистику и романтику одинаково необходима помощь воображенія, но у мистика оно особенно живо и еще часто поддерживается неестественнымъ напряженіемъ нервовъ, потому что только воображеніемъ онъ можетъ придать своему идеалу какой-нибудь чувственный образъ, а романтику воображеніе нужно для уравниенія избраннаго сердцемъ существа съ направляющимъ его поиски идеаломъ. Всякій романтикъ разсуждаетъ приблизительно такъ, какъ Бернардъ Вентадорскій:

Я не дивлюсь, что мнѣ она мила;
Я въ мірѣ лучше ни одной не знаю:
Умна, добра, прекрасна, весела—
Такая вся точь въ точь, какъ я желаю.
Хулить ее не стану: нѣтъ въ ней зла;
А то бы мнѣ и ложь не помогла.
Не знаю, что въ ней дурно, и смолкаю⁹⁹⁾.

Задача осложняется тѣмъ, что

Никто не зрячъ въ любви безумной (Проперцій II, 14-III, 6, 18),
Кто любовью ослѣпленъ, какъ можетъ видѣть? (Вальтеръ фонъ-деръ-Фогельвейде 69 Lachm.),¹⁰⁰

Любовь, что видно, дѣлаетъ невидимымъ,
А что невидимо, любовь покажетъ (Аріостъ, Неистовый Орландъ, п.
1-я LVI, 5)¹⁰¹⁾,—

мало того:

Нерѣдко, Полифемъ, очамъ любви пристрастнымъ
И некрасивое является прекраснымъ (Феокрытъ 6, 18),

въ чемъ даже была своего рода техника, изложенная Лукреціемъ (IV, 1134—1160), потомъ Овидіемъ (Ars. II 657—662) и отъ нихъ перешедшая къ Мольеру (Misanthrope II 5).

Съ точки зрѣнія логики и мистикъ и романтикъ равно несостоятельны: одинъ добивается чувственнаго общенія со сверхчувственнымъ, другой ищетъ совершенства въ завѣдо-

⁹⁹⁾ N-om meravilh de s'amor, si-m ten pres,
Quar genser cors non crei qu' e l mon si mire:
Bel e gentil, coind' e gai e cortes
E tot aital com ieu vuellh e dezire;
Non dirai mal de leis, quar non i es;
Ben l' agra dig de joi, s' ieu li saupes,
Mas non o sai, per qu' ieu m' en lais de-l dire („Ben m' an perdut lai enves Ventadorn“).

¹⁰⁰⁾ Den diu minne blendet, wie mac der gesehen?

¹⁰¹⁾ Quel que l' uom vede, Amor gli fa invisibile,
E l' invisibil fa veder Amore.

момъ несовершенствѣ. Но изъ нихъ мистикъ въ извѣстномъ смыслѣ счастливѣе своего собрата по исканію духовнаго философскаго камня: принципиально отказавшись отъ содѣйствія ума, онъ наконецъ разстроиваетъ свое воображеніе и нервы, иногда искусственно, до такой степени, что наслаждается соединеніемъ со своимъ идеаломъ такъ, какъ если бы оно совершалось въ дѣйствительности, а романтикъ, старающійся увѣрить себя, что при оцѣнкѣ носителей его идеала пользуется силой ума, и во всякомъ случаѣ болѣе трезвый, никогда не можетъ довести себя до полной увѣренности въ совпаденіи носителя съ идеаломъ. Онъ лжетъ передъ самимъ собой, какъ нѣжная мать неудачнаго ребенка или какъ преступникъ, оправдывающій передъ своей совѣстью свое предосудительное дѣяніе, и въ минуты умственного просвѣтлѣнія мучится сознаниемъ своего на половину добровольнаго заблужденія. Чѣмъ этотъ самообманъ искреннѣе, тѣмъ мучительнѣе эти минуты, а чѣмъ чаще избранница даетъ поводъ къ его изобличенію, тѣмъ скорѣе онъ своимъ возвратомъ отравляютъ жизнь несчастнаго мечтателя. Понятно, что сила романтическаго самоушенія рѣдко дѣйствуетъ до старости: въ извѣстномъ возрастѣ романтикъ, больно ожегшись на своихъ живыхъ идеалахъ и уступивъ увѣщаніямъ ума, все болѣе забирающаго верхъ надъ сердцемъ и воображеніемъ, или дѣлается идеалистомъ, или просто мирнымъ обывателемъ, или даже заставляетъ своей нравственной фізіономіей припомнить венеціанскую эпиграмму Гёте:

Всякій мечтатель, по мнѣ, лѣтъ въ тридцать долженъ быть распятъ:

Свѣтъ лишь узнаетъ простака, плутомъ становится самъ ¹⁰²⁾.

¹⁰²⁾ Jeglichen Schwärmer schlägt mir ans Kreuz im dreissigsten Jahre:
Kennt er nur einmal die Welt, wird der Betrogene der Schelm.

Но ни изъ логическихъ противорѣчій романтизма, ни изъ отдѣльныхъ случаевъ его исхода, не всегда похвальныхъ, отнюдь не слѣдуетъ, что романтизмъ имѣетъ для своихъ послѣдователей лишь отрицательныя стороны. Человѣкъ на человѣка не приходится: есть люди мысли и формулы, и есть люди чувства и образа. Первые склонны къ идеализму, вторые — къ романтизму. Первые могутъ питать свою любовь къ идеалу созерцаніемъ его помимо готоваго проявленія, и если стремятся къ его воплощенію въ образахъ, то эти образы они построятъ сами; но къ этому способны и потому наклонны лишь немногіе избранники, а большинство чистыхъ идеалистовъ довольствуется формальнымъ постиженіемъ идеала. Вторые умѣютъ служить идеалу только въ томъ случаѣ, когда чувствуютъ его въ живомъ существѣ другого пола, что придаетъ ихъ стремленію къ идеалу двоякую конкретность. Безъ живого идеала они мрачны, разсѣяны и неспособны къ дѣятельности, испытывая то настроеніе, которое изображаетъ Гейне (Die Heimkehr XXXIV):

И все такъ холодно и вѣло,
Такъ безтолково все кругомъ!
Не будь любви у насъ хоть мало,
Опоры не было-бъ ни въ чемъ.

За то, когда удастся имъ найти предполагаемое воплощеніе идеала, прирожденное имъ идеалистическое настроеніе напрягается до того, что не только они сами, но и весь міръ имъ кажется преобразеннымъ къ лучшему. Это радостное настроеніе изображено нѣсколько наивно, но наглядно тѣмъ-же Бернардомъ Вентадорнскимъ:

Въ сердце лучъ запаль мнѣ ясный —
Все кругомъ свѣтитъ.
Вотъ цвѣты — лазурный, красный,
Хоть морозомъ вѣетъ;

Но сильнѣй порой ненастной
 Мнѣ судьба радѣть,
 Такъ какъ съ пѣсней сладкогласной
 И успѣхъ мой зрѣть.

Отъ сердца полноты
 Мнѣ свѣтлыя мечты
 Кажутъ зелень и цвѣты
 Тамъ, гдѣ снѣгъ бѣлѣть. 103)

И относительно себя романтики въ этомъ случаѣ не ошибаются: тутъ-то они и достигаютъ доступной имъ нравственной и перѣдко умственной высоты ¹⁰⁴⁾. Этотъ подъемъ духа часто наблюдается у влюбленныхъ, но онъ зависитъ не отъ любви самой по себѣ: такое настроеніе развивается въ человѣкѣ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе онъ способенъ чувствовать (не только мыслить) себя лишь частью мірозданія, почему и вообще сквозь частное ему представляется общее: иначе и любимое имъ существо не

¹⁰³⁾ Tant ai mon cor plein de joia,
 Tot me desnatura;
 Flors blanca, vermelh' e bloja
 Me sembla freidura,
 Qu' ab lo vent et ab la ploja
 Me creis m' aventura,
 Per que mos pr' tz mont' e poja
 E mos chans melhura.
 Tant ai al cor d' amor,
 De joi e de doussor,
 Per que gels me sembla flor
 E la neus verdura.

¹⁰⁴⁾ Петрарка приписываетъ Лаврѣ благотворное вліяніе на его чувства и поступки, напр. въ сонетѣ 16. Это явленіе такъ извѣстно, что и Донъ-Жуанъ Пушкина говоритъ Доннѣ Аннѣ совершенно въ духѣ романтическаго поклоненія:

Васъ полюба, люблю я добродѣтель—
 И въ первый разъ смиренно передъ ней
 Дрожація колѣна преклоняю.

могло бы напоминать ему идеала. А кто собственную достоящую особу ставить средоточіемъ всего сущаго, того любовь не подниметь надъ самимъ собой, независимо отъ дѣйствительной цѣнности идеализованнаго имъ челоуѣка, но еще опуститъ до уровня предмета его нѣжности, если послѣдній ниже своего обожателя, и душевное состояніе такого влюбленнаго выразится не восторженностью, которая захватываетъ и окружающихъ, а приторной сентиментальностью, жалкой и докучной, да еще въ добавокъ основанной отчасти на безсознательномъ, а иногда и сознательномъ подражаніи проявленіямъ романтическаго чувства. Сентиментальность и есть по большей части не что иное, какъ романтизмъ виѣшній, формальный, почему въ ней неизбѣжно слышится фальшивая нота. Само собою разумѣется, что между идеализмомъ и романтизмомъ и между романтизмомъ и сентиментальностью есть много посредствующихъ звеньевъ, что легко прослѣдить и на живыхъ людяхъ и въ литературѣ, гдѣ есть представители романтизма идеалистическаго и романтизма сентиментальнаго. Такъ-же разнообразны комбинаціи романтизма и съ любовью чувственной, весьма обыкновенныя, если не господствующія, въ рыцарскомъ быту, одной изъ основъ котораго мы привыкли считать культъ женщины. Судя по тогдашней поэзіи—а гдѣ же искать вѣрнаго выраженія чувствъ, какъ не въ поэзіи?—, этотъ культъ соотвѣтствовалъ нашимъ представленіямъ о немъ далеко не всегда. Прежде всего его предметомъ были только чужія жены, а къ своимъ рыцари относились безо всякаго поклоненія. Что касается другихъ женщинъ, то трубадуры позволяютъ себѣ иногда совсѣмъ не почтительные отзывы о нихъ, не чуждаясь даже циническихъ мыслей, какъ въ тенцонѣ Петра Дурана (между мужемъ и женой), и неприличныхъ

изобличеній съ именами, какъ въ романсѣ Гилема изъ Пуатье объ Агнесѣ и Эрмесенѣ, женахъ Гварина и Бернарда, и объ ихъ рыжемъ котѣ. Доставалось отъ пѣвцевъ и дамамъ ихъ сердца въ случаѣ измѣны ¹⁰⁵⁾ или холодности въ отвѣтъ на ухаживанье, противъ которой Рамбальдъ Оранжскій считаетъ полезными угрозы и даже ударъ кулакомъ въ носъ (въ пѣснѣ «Assatz sai d' amor»). Да и относительно этихъ дамъ мало рыцарей оказывалось Тогенбургами. Если Гёте правъ, что

Истинна та лишь любовь, что пребудетъ всегда себѣ равной,
Все ли дозволимъ мы ей или откажемъ во всемъ, ¹⁰⁶⁾

истинной любви не было и у рыцарей: какъ Итальянцы говорятъ теперь: «любить и не быть любиму — потерянное время», ¹⁰⁷⁾ такъ и Бернардъ Вентадорнскій находить, что

Мольбы вотще—лишь праздная досада. ¹⁰⁸⁾

Такъ смотреть на дѣло не одни пылкіе Романцы, но напр. и болѣе хладнокровный и терпѣливый Вальтеръ фонъ - деръ - Фогельвейде опредѣляетъ любовь приблизительно такъ:

Тамъ любовь, гдѣ счастье намъ;
Гдѣ лишь горе, тамъ нѣдетъ любви названье:
Ужъ не знаю, что за имя ей я дамъ. ¹⁰⁹⁾

¹⁰⁵⁾ О лживости женщинъ вообще см. напр. сирвентъ (или, вѣрнѣе, сирвентесъ) Петра Карденаля „Senh En Eble, vostre vezi“, строфы 3 и 4.

¹⁰⁶⁾ Das ist die wahre Liebe, die immer und immer sich gleich bleibt,
Wenn man ihr alles gewährt, wenn man ihr alles versagt
(Vier Jahreszeiten, Sommer 24).

¹⁰⁷⁾ Amare e non essere amato è tempo perduto.

¹⁰⁸⁾ Prejars ses pron es afans trop perdutz („Ben m' an perdut lai enves Ventadorn“).

¹⁰⁹⁾ Minne ist minne, tuot si wol;
Tuot si wê, so enheizet si niht rehte minne;
Sus enweiz ich, wie si danne heizen sol (69 Lachm.).

Не менѣе колебаній романтизма между идеализмомъ и сентиментальностью замѣчается и въ Персін, у суфіевъ, славящихъ Бога подъ видомъ возлюбленной или возлюбленнаго (что трудно различить вслѣдствіе отсутствія родовъ въ персидскомъ языкѣ): и здѣсь поэты то восходятъ черезъ дѣйствительность до первоисточника своего вдохновенія, то увлекаются проявленіями Божества въ дѣйствительности, уже безъ вниманія къ основѣ ихъ цѣнности, и, примѣняя къ созданію формы выраженія любви, возникшія на почвѣ почитанія Создателя, впадаютъ въ риторическую чувствительность. И на Западѣ и на Востокѣ между истинными романтиками выступаютъ на поприще романтической поэзіи люди съ иными міровоззрѣніями, которыя и пробиваются болѣе или менѣе ясно изъ-подъ условнаго обличія. И тамъ и здѣсь нельзя не видѣть дѣйствія моды, налагающей свою печать на самые различные умы ¹¹⁰). Моду мы подмѣтили и въ исторіи римской элегіи, представители которой далеко не сходны между собою по наклонностямъ, понятіямъ и темпераменту; но какъ-бы ни были значительны отклоненія отъ принципа, послужившаго модѣ точкой отправленія, она важна тѣмъ, что свидѣтельствуетъ о господствѣ даннаго принципа въ обществѣ извѣстной эпохи. Этотъ принципъ состоялъ у Римлянъ конца республики въ сознаніи важности того эстетическаго элемента, который мужчинѣ является въ женщинѣ, осуществляющей идею красоты въ наиболѣе понятной и привлекательной для него формѣ. Это воззрѣніе на женщину, связывающее отношеніе къ ней со стре-

¹¹⁰) Въ жалобахъ трубадуровъ на охлажденіе или измѣну возлюбленныхъ такъ часто встрѣчаются сравненія между *ogan* (въ этомъ году, *hoc anno*) и *antan* (въ прошломъ году, *ante annum*), что близость съ дамой можетъ показаться иногда чѣмъ-то въ родѣ должности на-годъ. Это ли не мода?

мленіемъ къ красотѣ вообще, ко всему, что есть лучшаго въ мірѣ, мелькнуло среди прозаическихъ и жестокосердыхъ покорителей вселенной по совершеніи ими этого подвига, когда имъ прискучила рѣзня, жертвами которой передъ тѣмъ гибли уже они сами, но именно только мелькнула, нашедъ себѣ отзвѣвъ лишь въ немногихъ личностяхъ тонкой, не римской организаціи и оставивъ слѣды въ тогдашней эротической поэзіи, сохранившей ясный отпечатокъ моды. Принципъ, не встрѣтивъ благопріятной почвы, скоро выдохся, а мода, какъ то бываетъ обыкновенно, пережила его на нѣкоторое время, но, оторвавшись отъ своего начала, исказилась и была почти забыта. Вся исторія римской эротической элегіи совершилась въ теченіе шестидесяти лѣтъ съ небольшимъ. Это такой короткій срокъ для важнаго литературнаго рода, что сомнительнымъ казалось бы и появленіе принципа, послужившаго причиной его возникновенія, если бы онъ не проглядывалъ у Лукреція,¹¹¹⁾ наперекоръ матеріалистическому ученію этого поэта, и позже у Вергилія, особенно въ четвертой книгѣ Энеиды, и если бы рядъ элегическихъ поэтовъ Рима не открывался Катулломъ. Мода была въ то время не на элегію, а на александрійскую поэзію вообще, почти во всѣхъ ея видахъ, между которыми была и элегія, но элегиковъ-спеціалистовъ тогда не было. Сверстники Катуллы занимались элегіей между прочимъ, когда обстоятельства давали къ тому поводъ, какимъ для Тициды (если только онъ писалъ элегіи) была любовь къ Метеллѣ

¹¹¹⁾ Въ четвертой книгѣ, напр. о разочарованіи влюбленнаго:

И звать себя глупцемъ за то, что усмотрѣлъ

Въ ней больше, чѣмъ бы могъ людской вмѣстить удѣлъ (1183—1184, по рукописямъ—1175 и 1160).

(по псевдониму—Периллѣ), для Линдіи Кальва—смерть его жены, Квинтиліи (если два отрывка у Харизіа р. 78 относятся къ ней). Катуллъ, по видимому, превзошелъ всѣхъ своихъ товарищей въ пристрастіи къ эротической поэзи вообще и къ элегіи въ частности. Уплативъ дань вкусу молодыхъ поэтовъ короткимъ, но отдѣльнымъ по-александрійски эпосомъ (64), гимномъ (39), галліамбами (63), переводомъ изъ Каллимаха (66) и приведенной выше искусственной элегіей (68б), политикѣ—выходками противъ Цезаря и его приверженцевъ, личному негодованію и насмѣшливости—нѣсколькими сатирическими стихотвореніями, онъ вдохновлялся дружбой и любовью, въ связи съ которыми состоятъ и нѣкоторыя изъ произведеній иного содержанія. Уже отсюда видна особенность его душевнаго строя въ отличіе отъ стремленій его болѣе дѣловитыхъ или болѣе хладнокровныхъ сподвижниковъ. Но изъ всѣхъ лицъ и предметовъ, воспѣтыхъ Катулломъ, обращаетъ на себя вниманіе всякаго, кто хоть бѣгло просматривалъ небольшой сборникъ его стихотвореній, исторія его любви къ Лезбіи, прославившая эту очаровательницу болѣе самой Елены, какъ говоритъ Проперцій ¹¹²⁾. Критики Катулла примѣняли къ нему не разъ названіе «романтическаго» поэта, не выясняя впрочемъ, что собственно въ немъ романтическаго. Разрѣшеніе этого вопроса и послужило главнымъ поводомъ къ предложенному выше опыту изслѣдованія сущности романтизма не только въ литературѣ, но и въ жизни. Послѣднее для пониманія Катулла еще важнѣе перваго, потому что въ томъ направленіи эротики, которому Катуллъ обязанъ по преимуществу своимъ безсмертнымъ значеніемъ, въ исторіи поэзи и любви, у него не

¹¹²⁾ Ц, 34 (III, 32), 88

Было предшественниковъ: то, что онъ выражалъ, было такъ ново и такъ чуждо понятіямъ древняго міра, что, пока не настала эпоха иной цивилизаціи, онъ оставался единственнымъ поэтомъ въ своемъ родѣ. Да и впослѣдствіи не оказывается ни одного пѣвца любви, котораго можно было бы сопоставить съ Катулломъ, потому что въ раннюю пору среднихъ вѣковъ не было поэтовъ, хоть сколько-нибудь достойныхъ сравниться съ нимъ по дарованію, а позже утвердилась литературная техника романтизма, отнявшая у этого міровоззрѣнія первоначальную свѣжесть его формуловки и наивность выраженія, которыя у трубадуровъ и миннезингеровъ являются лишь спорадически, рядомъ съ величайшей условностью, а у Катулла выступаютъ во всей первоначальной неприкосновенности. По свойствамъ дарованія можно Катулла сблизить отчасти съ Петраркой, отчасти съ Гейне, но болѣе съ послѣднимъ, котораго онъ напоминаетъ и насмѣшливостью и трагизмомъ. Съ Петраркой связываетъ его поклоненіе женщинѣ, какъ высшему существу, что впрочемъ свойственно цѣлой поэтической школѣ, но Петрарка—ея крупнѣйшій и вмѣстѣ чистѣйшій представитель, если не считать Данта, у котораго эротическій элементъ играетъ второстепенную роль; кромѣ того у Петрарки есть образчики попытокъ выясненія своего душевнаго состоянія, какъ у Катулла, и также не лишенные наивности, по крайней мѣрѣ, въ формѣ (только не въ изумительномъ по красотѣ противоположеній сонетѣ 88: *S' amor non è*). Но соприкосновеніе съ Петраркой въ этомъ отношеніи даетъ разочарованію Катулла болѣе трагическій характеръ, чѣмъ тотъ, которымъ отличается настроеніе Гейне, родственнаго въ отношеніи къ женщинѣ скорѣе Проперцію: не даромъ она для него «стихотвореніе Господа» (*ein Gedicht des Herrn*). Катуллъ

въ своей любви къ Лезбіи поставилъ, можно сказать, на карту все счастье своей жизни. Лезбія оказалась ему существомъ, до такой степени превышающимъ обыкновенныхъ людей, что, хотя, какъ сказалъ Парни,

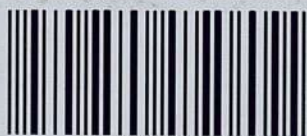
Любовь терпѣть раздѣла не умѣтъ:

Ея законъ — или все, или ничего ¹¹²⁾,

Катуль, страдая отъ ревности, все-таки не позволялъ себѣ видѣть ея измѣны въ надлежащемъ свѣтѣ, вѣроятно, не только вслѣдствіе боязни сознательнаго разочарованія, но и потому, что сначала не рѣшался примѣнить къ ея поведенію общечеловѣческую мѣрку. Лишь послѣ многихъ случаевъ невѣрности и, что должно было особенно сильно поколебать его вѣру въ ея чуть не божественныя качества, послѣ многихъ нарушенийъ торжественныхъ клятвъ, онъ не могъ долѣе противиться очевидности, и его жизнь оказалась разбитой. Можетъ быть, онъ со временемъ какъ-нибудь и утѣшился бы въ своей роковой ошибкѣ, но онъ если и достигъ того критическаго для мечтателя возраста, о которомъ говорить Гёте, то во всякомъ случаѣ не дожилъ до нравственнаго перелома, который могъ бы принести ему успокоеніе. Онъ умеръ, по видимому, какъ разъ тридцати лѣтъ, не успѣвъ прибавить ни одной черты къ своему романтическому образу кромѣ грусти, нѣсколько раздражительной, обыкновенно слѣдующей за разочарованіемъ. За то онъ и будетъ жить въ памяти человѣчества, пока оно не утратитъ способности къ романтической тоскѣ по идеалѣ. Но развѣ настанетъ когда-нибудь такое время?

Θ. Коршъ.

¹¹²⁾ Le tendre Amour ne veut point de partage,
Et tout ou rien est une de ses lois.

2007110893